

АНДРЕЙ ЛАХТИН

Безумство

Андрей Лахтин

Безумство

«Издательские решения»

Лахтин А.

Безумство / А. Лахтин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907408-9

Безумство — это модель тоталитарного государства, которое изменяет человека под себя. Антиутопический роман посвящён психологическому эксперименту, который проходит в одной из клиник России будущего. Суть эксперимента — доказать, что рамки нормальности определяет не личность, а общество. Любой человек, попадающий в новые обстоятельства стремится копировать поведение окружающих, а если окружающие — сумасшедшие, то и он постепенно сходит с ума. В персонажах угадываются наши современники.

ISBN 978-5-44-907408-9

© Лахтин А.

© Издательские решения

Безумство

Андрей Лахтин

© Андрей Лахтин, 2018

ISBN 978-5-4490-7408-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бернард смотрел на небо и не мог понять, почему жара держалась так долго, казалось, что она будет ещё целую вечность и не закончится никогда. Но в этот день небо начали затягивать тучи, вопреки прогнозу погоды, который был услышан Бернардом по телевизионному объявлению часом ранее. Лучше бы ему было и вовсе его не слышать, ведь теперь его мысли были только о погоде, а это отвлекает перед столь важным делом, которое может изменить жизнь до полной неузнаваемости. На глазах у Бернарда сбывалась мечта – стать психиатром в одной из самых лучших больниц, о которой только и твердили на факультете, что он недавно закончил. В такие моменты кажется, что вся жизнь, всё то, что было раньше – больше не имеет никакого смысла. Есть только будущее, которое было подарено Бернарду его дядей. Дядя был довольно известным в определённых кругах человеком, пользовался репутацией настоящего интеллигента, филантропа, мыслителя и учёного с большой буквы. Эти же качества он и пытался привить Бернарду. Именно дядя сыграл решающую роль в его воспитании, посоветовал стать врачом, а также научил виртуозно владеть скрипкой и фортепиано, писать стихи на трёх языках и даже стал вдохновителем Бернарда на пути к чёрному поясу по карате.

Бернард, по наставлению дяди, посещал столько кружков, секций, курсов, мастер-классов и тренировок, что казалось, будто такой человек должен быть готов абсолютно ко всем вызовам жизни. Поэтому Дядя Бернарда, узнав, что тот заканчивает университет, стал обзванивать всех своих знакомых врачей, чтобы выведать не требуется ли кому-нибудь из них помощь. Так ему удалось выяснить, что в одной из психиатрических клиник один из врачей уезжает по долговременной программе в Южную Америку. Нужен заместитель, временно исполняющий обязанности, желательно молодой врач. Бернард был из таких.

Он был выкован в лучших аристократических традициях, о которых, к слову, уже давно позабыли. Вежлив, но в то же время немного рассеян, изобретателен, талантлив, обучен самым неожиданным навыкам от знания иностранных языков, до владения арбалетом. Универсальный человек, готовый покорять горы. Сегодня Бернард покидал свой город, в котором прожил полжизни, чтобы с головой окунуться в работу, о которой так долго мечтал. Он закрывал кожаный коричневый чемодан плотнее, слегка поглаживая его при каждом удобном случае. Ему безумно нравился материал из которого был создан это чудесный чемодан. Была бы его воля, он бы сделал все собственные вещи из этой кожи. Но достать её подобие было невозможно, ведь чемодан был куплен Бернардом во время путешествия по Стамбулу, которое состоялось ещё в школе. Он маленьким юношей отстал от экскурсионной группы, заблудился в старинном городе и забрёл в лавку к старьёвщику, чтобы тот поведал ему дорогу до гостиницы, адрес которой звучал в памяти голосом сопровождавшей всю группу учительницы. Дядя обучил Бернарда английскому, благодаря чему мальчик узнал не только кратчайший путь до отеля, но и приобрёл коричневый кожаный чемодан. Старьёвщик достал его со столь высокой полки, что ему понадобилась стремянка, сдунул пыль, слегка встряхнул и произнёс: «Bedava»! По-турецки это значило, что старьёвщику не нужны были деньги, просто чемодан нашёл своего хозяина.

Эта уникальная вещь и сопровождала Бернарда во всех его путешествиях, несмотря на то, что ручки чемодана были уже потрёпаны и кожа местами превращалась в дыры. Но чемо-

дан истощал запах, который ассоциировался с детством, с человеческой щедростью и той улыбкой, что сопровождала подарок от добродушного старьевщика из Стамбула.

Бернард всегда старался не обрастать ненужными вещами, а идеальное количество вещей и определялось вместимостью того самого чемодана. Исключения составляли лишь книги и медицинские принадлежности, которые копились в геометрической прогрессии. Бернард, наконец, закрыл свой саквояж, в последний раз провёл по нему рукой, упаковал оставшиеся вещи в багажник автомобиля и крикнул водителю: «выдвигаемся! Нас ждёт большое путешествие!».

Бернард сел на переднее сиденье, продиктовал адрес и все – начинающий доктор, водитель и коричневый чемодан двинулись в путь. Конечно, слова о большом путешествии были не более чем преувеличением, которые Бернард часто допускал в своей речи. Это был путь от аэропорта, куда прилетел самолёт, до той самой клиники. Примерно часа два-три, не больше. Водитель нажал на кнопку на приборной панели своего автомобиля с тем же пафосом, с каким пилоты космических шаттлов запускают механизм и взмывают в космос. Тот же бесконечный пафос, переходящий в восторг проглядывался во взгляде Бернарда, – поехали, – снова повторил тот.

Первые двадцать минут пути они ехали молча, пробираясь сквозь тернистые джунгли вечернего города. Солнце ещё виднелось, но его раз за разом перебивали тучи, которые становились всё тяжелее и массивнее. Они как будто набирались сил перед тем, как обрушиться ливнем на землю.

– Неужели будет дождь? – встревоженно заголосоил Бернард. – Мне вовсе не хотелось бы появиться перед всеми встречающими мокрым. Встречают по одежке, страшно представить, что они обо мне подумают.

– Оставьте эти тревоги, Бернард! – продолжил водитель, не останавливаясь внимательно следить за дорогой, как будто он водит первый раз и боится слететь в кювет. – Мы обязательно прибудем быстрее, чем эти тучи соберутся с силами. В ином случае я постараюсь подвезти вас прямо ко входу.

– Бернард немного изменился в лице, будто ему в голову пришла гениальная мысль, которая может изменить жизнь всех людей, населяющих нашу планету, до неузнаваемости. – Вам не кажется, что люди совсем перестали обращаться друг у другу, указывая на их, с позволения сказать, статус. К примеру, как раньше было: мистер, гражданин, господин, мсье. Я часто встречаю эти клише в старых книгах. Как быстро летит время, стирая старые привычки. То, что было принято ещё совсем недавно, сегодня уже не имеет никакого смысла. Если так пойдёт, то скоро, уснув на десяток лет и проснувшись, будет невозможно понять, что происходит вокруг, как говорить и что делать.

– Да полно вам! – опешил водитель, вдруг вспомнив известное восклицание из всё тех же старых книжек. – Это как Салтыков-Щедрин сказал: «пробудите меня через сто лет и спросите, что сейчас делается в России. Я отвечу – пьют и воруют», вроде как-то так!

Бернард задумался. Ведь действительно! Вот какой сейчас год? Да это не важно. Уже никто не помнит ни Российскую империю при Петре, ни Советский союз при Сталине, Ни Россию послесоветскую. Всё это было так давно, что уже давно превратилось в параграфы в учебниках истории, о тех эпохах напоминают лишь экспонаты в музеях. Сейчас-то всё иначе, нужно жить сегодняшнем днём и уверенно смотреть в будущее, которое нас ждёт. Немало воды утекло с тех пор. На улицах уже не услышишь советского «гражданин», в письмах, даже в деловых, не пишут «уважаемый». И действительно, зачем это всё было нужно, кому?

А имена, какие раньше были имена: Феодосий, Татьяна, Иван, Павел. В какой-то момент показалось, что эти имена звучат сурово, как будто камни падают с высокой скалы на жёсткий грунт. Всем вдруг полюбились французские имена, они как взмах крыльев птицы, как лёгкий весенний ветер. Их не позволительно выкрикивать в толпе, они как будто созданы для того,

чтобы быть произнесёнными в песне лёгким сопрано. Попробуй сейчас назови ребёнка Геннадием – сочтут за сумасшедшего! Мода уже не та, да и люди не другие.

– Прогресс двинулся вперёд, совершил невероятный рывок! – ни с того ни с сего сказал Бернард. – Человечество смело покоряет бесконечные космические просторы, ест самую здоровую пищу, каждый может обзавестись техникой так, что не придётся вставать с места годами. Кажется, что человечество уже прошло стадию технологической сингулярности.

– Технологической сингулярности? – Переспросил водитель.

– Совершенно верно! – Ответил Бернард. – Это такой момент в истории, мой дорогой друг, когда технический прогресс ускорится так, что за ним невозможно будет поспеть. Существовала вероятность, что верх возьмут роботы, а обычные люди, работающие на предприятиях и фабриках, окажутся не у дел. Этого как раз и боялись луддиты, протестовавшие против появления станков во времена английской промышленной революции. Они громили машины голыми руками, опасаясь за своё будущее. Теперь над ними лишь посмеиваются современники. Так вот по всем отраслям человеческих знаний мы открываем всё новые и новые границы, а в области психологии как будто тупик. Ни один учёный ещё не разгадал все загадки человеческого мозга. Мы достигли самых далёких планет, но не сумели понять то, что внутри нас самих. Мышление – вот тайна, которую я постараюсь раскрыть.

Автомобиль приблизился к клинике. Водитель тут же опешил, увидев до боли знакомое здание.

Бернард не мог отвести взгляд от увиденного им впервые дома. Это строение не было похоже на ряд типовых психиатрических клиник, даже на обычное человеческому глазу казённое здание это не смахивало. Небольшой холм венчал дом невиданной красоты, это скорее был старинный особняк, выточенный в лучших английских традициях. В таких обычно жили представители высшей знати со своими семьями, но никак не ютились больные. От потрёпанной временем крыши ещё исходил былой лоск, запылившиеся стёкла высоких окон едва пропускали свет, который тут же преломлялся массивными шторами. Первый этаж здания, как полагается, был испорчен неказистыми решётками на окнах. А по краям от парадного входа, стояли монументальные колонны, которые отлично смотрелись бы в Риме во времена его расцвета, а не здесь. Весь архитектурный ансамбль особняка переливался раскатистым звоном каждого его элемента, а всё вместе составляло непревзойдённую симфонию стилистического изящества!

Здание лечебницы стояло довольно далеко от ворот, но внутрь было невозможно проехать на машине. Интересно, как сюда привозили психов? – Подумал Бернард. – Неужели каждый из них проходил этот томительный путь в сопровождении санитаров от самых ворот?

Бернард посмотрел на водителя, взгляд которого был полон страха, пальцами водила перебирал так, что было понятно – он старается что-то вспомнить.

Точно! – Воскликнул водитель и ударил обеими ладонями по рулю с таким восторгом, будто он вспоминал что-то целый день и никак не мог сложить пазл в своей голове. – Эта та самая больница, о которой я читал в утренней газете, вроде бы это было в начале этой недели. Да! Вы знаете, некоторое журналисты сейчас совсем отбились от рук, пишут что ни попадя. Вот была бы цензура, хоть какие-то этические рамки. Дело в том, что моя жена выписывает газету, которая пестрит статьями о разного рода мистике. Часть статей там буквально высосана из пальца, а часть основана на реальных фактах и находит логическое обоснование даже у такого скептика, как я!

– Не томите. – поспешил перебить собеседника полный нетерпения Бернард.

– Значит так. – продолжил водитель. – Я родился в этом городе и живу тут сколько себя помню. Это особняк конца 19 века, недавно он пережил реконструкцию, а в самом начале принадлежал знатной купеческой семье. Во время революции всю семью, как следовало бы ожидать, репрессировали, а часть родственников успело спастись, ринувшись в белую гвардию,

а оттуда за границу. Во время советской власти это строение отдали художникам, где они творили в стиле приятного советскому глазу конструктивизма. Затем произошёл закат империи, а семья, владеющая этим домом достаточно разбогатела на Западе и не пожелала возвращаться в российское родовое гнездо. С их позволения здание передали для медицины. Своего рода пожертвование. Так вот, теперь там психиатрическая больница, с очень странными больными. Статья в газете была как раз об этом.

– Все психические больные странные! Не так ли? – подметил Бернард.

– Не настолько. – Настороженно произнёс водитель. – Есть различные грани человеческой странности, эта самая безумная из тех, о которых мне только приходилось слышать. Все больные этого заведения отличаются тем, что их объединяет принадлежность к богатству, знати и власти. Они бывшие чиновники, партийные деятели, светские львы и львицы, крупные бизнесмены.

– Так вот почему их не оформили в обычные больницы с вызывающими отвращение белыми плитками на стенах, а собрали всех в старинном уютном особняке! – вдруг понял Бернард.

– Так точно! – По-армейский вскрикнул водитель. Странность заключается в том, что все врачи, попадающие в эту клинику, через некоторое время сами сходят с ума. Они убедительно сообщают во всеуслышание о том, что они тоже душевнобольные, что нет на свете здоровых людей, что лечить надо и их самих. Им кажется, что их привела сюда судьба, чтобы у них открыли глаза и они осознали свои психические заболевания, убедились в них.

Бернард задумался. Не получится ли так, что и он сам через некоторое время назовёт себя психически-нездоровым человеком. Вряд ли! Как же может врач мимикрировать своих больных так, что сам подхватит болезнь? Это же не вирус, а заболевание иного порядка. И разве можно верить какой-то статье в жёлтой газете.

Мысли Бернарда сбил стук от капель дождя, которые, кажется, капли были такими большими, что могли пробить металлическую крышу автомобиля. Тучи затянули небо, ну оставив не единого шанса на то, что Бернард доберётся до входа сухим. Даже сквозь закрытые двери машины пробивался тот самый приятный и знакомый запах дождя, который является единственным утешением в мерзкую погоду. Запах как будто отвлекает от разочарования, которое сопровождает дождь у тех, кто его ненавидит. Вот бы что-нибудь похожее на этот запах шло в комплекте со всеми типами разочарований. Скажем проигрыш в казино – и запах карамели или расставание с любимой – запах какао с маршмэллоу. Жизнь бы стала совсем иной, а неудачи перестали бы так травмировать людей.

Бернард попрощался с водителем, открыл дверь и сделал первый шаг, наступив в так быстро сформировавшуюся лужу. «Отличное начало!» – подумал он. От волнения перед первой встречей и коррективами, которые внесла погода, почва под ногами будто затряслась, сбивая амбициозного начинающего врача с ног. Но он смело обошёл машину, открыл багажник и достал свой любимый коричневый чемодан, не отказав себе в удовольствии снова провести по нему рукой.

Автоматические ворота отворились перед Бернардом и он побежал быстрее к входу в больницу, чтобы промокнуть как можно меньше. Бег сопровождал аккомпанемент, который играл оркестр из звуков уезжающего автомобиля и его своеобразного клаксона, стука капель дождя, который отбивал разный ритм, попадая то на ветки деревьев, то на землю, то на лужи и скрипучего механизма ворот, закрывающихся позади. Всё это превратилось бы в невыносимую музыку, которой было бы уместно пытаться особо провинившихся заключённых в тюрьмах, но запах дождя успокаивал и растворялся в тумане вечерних сумерек.

– Сюда! Сюда! – кричал чей-то голос из открытых дверей парадного входа.

Бернард бежал не столько на голос, сколько на тепло и уютный оранжевый свет, которые источала открытая в клинику дверь. Бернард поднялся по крыльцу и, запнувшись левой

ногой о порог, влетел на новое место своей работы. Двери за ним закрылись, а сам Бернард оказался на коленях. Его любимый чемодан лежал где-то в стороне прихожей и чей-то голос произнёс: «Унесите саквояж в комнату, мы должны разобраться с этими вещами». Бернард поднял голову и понял, что перед ним главный врач психиатрической клиники. Он видел его лицо на фотографиях, но никак не ожидал, что он такого небольшого роста. Как будто фотографии всегда умело скрывали его низкорослость, выдавая за великана. Но, несмотря на рост, от этого человека исходила энергия, которой мог бы позавидовать любой.

Все тотчас отшатнулись в сторону, как будто испугавшись происходящего. Лишь некоторые больные остались непоколебимыми, равнодушно отворачиваясь и уходя по своим делам. В воздухе повисло молчание и напряжение было такое, что казалось, будто воздух можно резать ножом. Все это так взволновало неопытного врача Бернарда, что тот еле встал на ноги, слегка клонясь в сторону, всем своим видом давая понять, что неконтролируемо теряет равновесие. Он выпрямился, как солдат, вытер правую руку о штаны, чтобы на ней не оставалось последствий дождя. Убедившись, что влаги нет, он протянул руку главврачу. Всё это время тот задумчиво и, в то же время, мудро, смотрел на Бернарда, оценивая и запоминая каждое его движение. Одними лишь эмоциями главврач, будто дирижёр, изменил настроение всех присутствующих в помещении, оборвал все те нити напряжения, что до треска были натянуты повсюду. Казалось, что холл заполнился светом, но сохранялась тревога, что всё в любой момент вернётся на круги своя. Не дожидаясь такого развития событий, Бернард начал беседу:

– Добрый день, вам скорее всего сообщили о моём приезде, я Бернард. Заменяю вашего коллегу, который поспешил уехать в Южную Америку, я закончил один из лучших университетов...

– Я слышан о вас! – перебил его главврач. – Ну что же, будем знакомы. Меня зовут Франсуа, я главврач этой клиники для душевнобольных. Стоит предупредить вас, что молодые и неопытные у нас надолго не задерживаются. Наверное, вы читали эти статьи про нашу больницу в тех жёлтых газетёнках. Курам на смех! Мочить бы таких журналистов, ей-Богу! Убеждён, что вы перемените ваше отношение к нашему скромному заведению через некоторое время. Если всё, что о вас говорили – правда, то вы обязательно выдержите испытательный срок, и останетесь у нас и после приезда врача из Америки.

– Уверен, что так и произойдёт! – с надеждой произнёс Бернард и принялся искать глазами свои вещи, растерянные после неожиданного для себя и для всех появления.

– Пойдёмте за мной! – произнёс Франсуа. – Не беспокойтесь о своём саквояже, уверен, что он уже ждёт вас в вашей новой комнате.

Бернард знал, что новых врачей из других городов было принято не отправлять на поиски ночлега после рабочего дня. Им даже не обязательно было ютиться в гостиницах или снимать квартиру. Всем иногородним врачам выдавали свою собственную комнату, и эта клиника не была исключением.

– Я проведу вас в свой кабинет для оформления документации. – продолжал Франсуа.

Главврач устремился вперёд, а Бернард оказался позади, это вынуждало бежать за Франсуа, чтобы не потеряться в незнакомых коридорах нового места одному. Бернард тут же заметил одну очень примечательную деталь в походке Франсуа. «Вряд ли это соответствует нормальному представлению о ходьбе» – подумал юноша. Манера заключалась в странной асимметрии при движениях. Амплитуда одной руки была гораздо интенсивнее взмахов другой. Казалось, что он придерживает что-то правой рукой, хотя было очевидно, что там ничего нет. Это могло бы натолкнуть Бернарда на мысли о патологических отклонениях, ведь движения одной руки были редуцированы. Однако, запомнилось его крепкое рукопожатие, а это значило, что с рукой всё в порядке. Что же заставило Франсуа передвигаться таким чудным образом? Может это в рамках нормы у врачей такого рода? Бернард побоялся развивать эту мысль, так как был уверен, что со временем ему откроется секрет. Он шёл за Франсуа, ускоряя шаг, и слу-

шая скрип полов под его ногами. Такой скрип напоминал ему о загородном доме его родителей, где были точно такие же старинные полы со скрипом, он как мелодия запомнился ему на всю жизнь. Казалось, что дома такого рода ещё на этапе строительства наполняли всякими звуками, чтобы они сопровождали их жителей, играли индивидуальную мелодию, которая бы формировала голос здания.

Всё вокруг пугало Бернарда и в то же время восхищало. Особенно он заметил поведение больных, без устали спящих вокруг. Каждый из них гармонично вписывался в силуэты коридоров и палат, больные уверенно расхаживали по знакомым маршрутам, но при виде Франсуа как будто замирали, стараясь не выдать своего страха.

– С этими пациентами определён что-то не так! – заметил Бернард. – Было бы любопытно ознакомиться поближе с диагнозами каждого из них.

– У меня всенепременно найдётся время для того, чтобы презентовать вам наиболее интересных больных подробнее. – ответил Франсуа, обернувшись назад. Ему пришлось повысить голос, так как новый врач совсем отстал от своего опытного коллеги. – Не я, так мои помощники обязательно познакомят вас с их историями болезней. Знаете история каждого больного сродни описанию роли персонажа какого-нибудь остросюжетного фильма со своей завязкой, кульминационными моментами и заключением в виде заточения в этой психиатрической больнице.

– Но разве процесс лечения корректно называть заточением? – спросил Бернард.

– Верно подмечено, мой юный коллега! – поправил самого себя Франсуа. Лечение здесь для каждого из этих больных, как праздник. Бесконечный праздник с всякого рода увеселениями. Мы стараемся создать атмосферу дома всем нашим пациентам, в пределах того, что позволяет сделать наша скромная клиника в этом особняке. Мне кажется, что традиционные методы лечения давно канули в лету. Мы стараемся минимизировать пропасть между пациентами и лечащими врачами. Можем играть с ними в шахматы, обсуждать свежую прессу, как будто не обращая внимания на их недуги, и даже есть из одной тарелки попкорн при просмотре увлекательных фильмов.

– Я отлично разбираюсь в кино. Уверен, что был бы интересным собеседником для больных. В университете я посещал дополнительные курсы по истории кинематографа. – похвалился Бернард.

– Вряд ли эти киноленты будут вам интересны, потому что, по большей части, они носят агитационный характер, помогают больным социализироваться. – добавил Франсуа. – Они состряпаны на заказ и на скорую руку, так как финансирование такого кино совсем никуда не годится. Однако со всей уверенностью могу сказать, что эти фильмы создают как раз тот эффект, что мы и запланировали и несут смысл, который мы закладывали в них. Некоторые больные меняются на глазах, но и врачам немного достаётся. Они вынуждены курировать поведение больных и делать отчёты о проделанной работе, отслеживая прогресс в лечении. Иногда кажется, что разница между больными и врачами стирается подчистую.

Рассказ Франсуа прервал шум за углом, который создавался каким-то особо буйным больным. Нельзя сказать, что он особо дебоширил, но хватало лишь только его голоса, чтобы понять, что идёт Доминик. Он ещё был далеко за углом длинного коридора, но невозможно было не услышать, как он горланит какие-то непонятные слова. Доминик переступил порог и завернул за угол, оказавшись прямо посередине коридора, так что свет от окна вкупе со светом от лампы на потолке окутали его с ног до головы, одев в бело-жёлтую шубу из фотонов. Доминик даже передвигался так, что было слышно, как он делает каждый шаг, а каждое его движение превращалось в невообразимый гвалт.

– Ему бы никогда не удалось работать, скажем, шпионом! – про себя подумал Бернард.

Чем ближе Доминик приближался к Бернарду, тем больше он казался. Всё это действие было похоже на то, как огромный паром заходит в небольшую бухту, занимая всё пространство

одним лишь собой. Вокруг этого больного крутились другие пациенты, которые не отходили от него не на шаг. Они смеялись вместе с ним, менялись в лице вместе с Домиником и даже иногда составляли одно целое. Но Доминик венчал весь этот перфоманс.

Бернард немного отодвинулся в сторону, чтобы процессия прошла рядом, не задев его, но никто и не думал проходить. Доминик и Бернард обменялись взглядами и в глазах больного были одновременно и испуг и угроза, казалось, что он норовит наброситься на любого, кто не приглянется ему. Больной то и дело выкрикивал какие-то странные слова, созданные им самим. Бернард подумал, что возможно это какой-то иностранный диалект, однако вряд ли это было похоже с одним из известных языков, скорее всё это представляло собой крики портовых чаек, которые увлечённо о чём-то беседовали между собой.

Ситуация стала явным образом походить на абсурд. Доминик стоял в проходе, задерживая себя, Бернарда и всех господ, которые будто на привязи ходили за ним. В такие моменты кажется, что даже атмосфера в помещении меняется на какую-то инопланетную, неприятную и до боли неуютную. Будто неосторожное неловкое движение невопад может коренным образом изменить все дальнейшие события не в твою пользу. Поэтому Бернард выступил с инициативой. Он глубоко вздохнул, решил что-то сказать, но от напряжения начал немного кашлять. Прокашлявшись и настроив голос он произнёс: «Доброго вам дня, извольте представиться, я новый врач этой клиники!».

– Да что ты такое несёшь! – свирепо ответил Доминик.

Бернарду показалось, что у Доминика практически полностью искажена речь, как будто он научился разговаривать пару лет назад, но, несмотря на это, приноровившись, всё можно было разобрать.

– Когда перед тобой я, ты должен смотреть на меня снизу вверх. Смекаешь? – спросил Доминик. – Думаешь этот тут главный? Главврач? Да кто он такой, если не будет нас, пациентов? Врач без пациентов, как сапожник без сапог. Я если не первый человек в этом богом забытом заведении, то уж точно не второй. Тьфу на вас всех, дай пройти!

– Доминик рукой оттолкнул Бернарда, хотя в этом не было никакой необходимости ввиду больших размеров коридора. Группа больных со своим главарём быстро направились к концу коридора и они встали у стены, где был проход в обе другие стороны. Доминик развернулся и, как римский полководец, указал своей свите новое направление. Свита повинилась приказу.

– Куда они направляются? – спросил Бернард у Франсуа.

– Если бы мне удалось понять помыслы их передвижений, то я бы счёл нужным считать, что мы уже на полпути к исцелению этого больного. Продолжим наш путь?

Теперь все мысли Бернарда были заполнены этой встречей. размышляя о том, время ли сейчас интересоваться о данном инциденте, Бернард спросил: «А кто этот больной?».

– О, это не совсем обычный пациент, мой дорогой друг! – ответил главврач. Его особенность заключается в том, что он имеет какую-то невообразимую власть над рядом пациентов. До того, как он поступил к нам, у нас нередко случались беспорядки, больные бунтовали, отказывались есть, лечиться, пить таблетки, проходить процедуры, иногда даже дрались. Но Доминик собрал особо буйных пациентов вокруг себя и вызвался их защищать в обмен на то, что со стороны руководства клиники и врачей им будет позволено чуть больше, чем всем остальным. Например, теперь они могут вольготно передвигаться по клинике, не опасаясь за то, что за ними идет слежка со стороны персонала.

– Разве не опасно отпускать их в такое вольное плавание? – спросил Бернард.

– Не переживайте за них. – ответил Франсуа. – С ними Доминик.

– А что за диагноз у этого вашего Доминика? – поинтересовался молодой врач.

– У Доминика биполярное расстройство...

– Маниакально-депрессивный психоз? – сумничал Бернард!

– Именно! Посмотрим, как вас учили в вашем университете. Что вам ещё известно об этом заболевании?

– Не могу похвастаться, что увлечённо занимался этой проблемой, однако с уверенностью могу сказать, что симптомы болезни – это непредсказуемость в настроении, перепады душевного состояния и неожиданно наступающая слабость. Но мне также известно, что биполярное расстройство диагностировано у многих людей и оно не требует заключения в стены психиатрической больницы.

Они оба остановились, оглянулись на бунтующего больного и главврач продолжил:

– Действия Доминика в один момент перестали поддаваться всяческому контролю. Пусть это будет ваш первый пациент, обсудим его позже, а пока двинемся к моему кабинету, осталось совсем немного.

– Осталось действительно немного, ведь дверь кабинета Франсуа была уже перед глазами Бернарда. Её можно было узнать не столько зрительно, сколько по запаху, который издавал его ещё не открытый кабинет. В этом запахе была вся история клиники от начала ввода её здания в эксплуатацию. И это несмотря на то, что всё остальное в больнице почти не сохранило былого лоска, которым отличаются старые дома. Но дверь главврача и небрежно расставленная около неё мебель передавали не самые лучшие настроения былой эпохи. Коридор, обитый деревом и красный ковёр с незамысловатым орнаментом указывали на принадлежность хозяина кабинета к слою высшей знати. Так пыталась обозначить своё положение давно забытая советская номенклатура, но только как эта традиция оформления коридора перекочевала сюда, в вполне себе современную клинику через столько лет, оставалось неясно. Над дверью нависала монументальная, но в то же время неказистая люстра, которая висела немного неровно, и её, казалось, никто не торопился поправлять. Весь этот путь мог сбить с ног любого врача, который волнуясь идёт на приём к главврачу, даже люстра скорее не источала свет, а поглощало всё светлое, что есть в этом мире.

– Голоса сумасшедших совсем утихли и уже ни оставалось никакого чувства, что Франсуа и Берnard находятся в лечебнице. Франсуа остановился у двери и приказал Бернаруд отворить дверь от собственного кабинета так, как будто это было само собой разумеющимся. Молодому врачу ничего не оставалось, как смиренно повиноваться вольностям, которые допускает Франсуа. Они оба зашли в кабинет так, что главврач оказался там первым. Дверь за Бернардом захлопнулась и на полке зазвенел хрустальный сервиз.

– Могу предложить вам чаю. – произнёс Франсуа. – Кстати его поставляют мне прямиком из Индии, никакой химии, непонятных, вредных добавок, чистый чай!

– Ну разве я имею право отказаться? – сострил Берnard

– Тогда присаживайтесь! – Франсуа снова отдал приказ, как будто он разговаривает с рядовым, будучи в армии. Но опомнившись, он переменял тон и как плохой актёр снова начал говорить в аристократической манере ни без доли снобизма. – Итак, вас зовут Берnard, я ознакомился с вашим личным делом, надо сказать, что приятно впечатлён, не каждый день встретишь такого умного человека. Вы только закончили институт, а уже добились колоссальных успехов в своём направлении, да таких, которые и не снились врачам с многолетним опытом. Ваши открытия в психиатрии действительно потрясают. И неважно, что они совсем недоработаны, само ваше стремление сделать мир лучше восхищает. Но вот знаете что, ещё ни одному молодому врачу ни удалось до конца вылечить пациента в нашей клинике. Ни одному!

Франсуа ударил кулаком по столу так, как будто сделал это первый раз в жизни. Казалось, что ребёнку дали задание изобразить ярость. Пока речь главного врача лилась непрерывным потоком, Берnard успел разглядеть место, где ему посчастливилось оказаться. В кабинете царил атмосфера помпезного имперского величия с нотками советского быта, как будто над его созданием работали одновременно Пётр I и Брежнев. Берnard понимал, что ему в таком месте будет чрезвычайно сложно сконцентрироваться и высказать какую-то умную мысль, так

как она обрушится прямо в момент её вербального воплощения. Поэтому он предпочитал молчать и отвечать на вопросы односложно, пока не спадёт тот трепет, который он испытывает от нахождения в этом кабинете. Посреди комнаты лежал ковёр, который составлял с деревянным полом одно целое, мебель была сделана из настолько массивного дерева, что невозможно было представить, как её подняли на столь высокий этаж, а зелёный стул, на котором сидел Бернард, был одновременно мягким и неудобным. Весь кабинет как-бы говорил: «Тебя вызвали на ковёр к начальнику, сиди и слушай!».

На стене выстроились в ряд портреты Владимира Бехтерева, Кащенко, Сербского, Фрейда, Карла Густава Юнга и многих других исследователей человеческого сознания. Это была аллея славы в конце которой висел сам Франсуа.

– Восхищаетесь великими умами? – спросил Франсуа. – Вы, должно быть, сами хотите стать один из них? Разумеется, я не имею ввиду и себя тоже, несмотря на то, что мой портрет висит здесь. Просто не нашёл для него другого подходящего места. Эта картина показалась мне настолько хорошей, что я копировал её бесчисленное количество раз. Вот, возьмите и себе экземпляр. Франсуа дал небольшую фотографию себя в совсем не аскетичной, позолоченной рамке.

– Большое спасибо! – Вежливо ответил Бернард.

– Мой портрет любят вешать у себя в комнатах и кабинетах почти все лечащие врачи нашей клиники, хотя я их об этом даже не прошу. Притом, чем больше мне знаков внимания отпускает врач, тем с большей вероятностью у него в кабинете будет мой портрет. Вам же я даю его просто так, на память, можете положить его хоть на дно сундука, мне всё равно, но... вряд ли мне понравится там. Я бы предпочёл оказаться посередине стены вашей комнаты! – с насмешкой сказал Франсуа.

Стоящие в углу напольные часы разразились шумом. Они отбили 7 часов вечера так, как будто всё вокруг умолкло и кроме них во всей Вселенной больше не было звуков. Так бывает, когда бьют колокола сельской церкви. Всё село на мгновение замолкает, кто-то просто на миг бросает рубить дрова, другой сверяет часы, у третьего вовсе замирает дыхание. У колоколов этой церкви есть неписанная власть над всем в округе, так же и эти часы останавливали Франсуа и Бернарда.

Часы закончили свой концерт и Франсуа, встрепенувшись, начал быстро искать какие-то бумаги среди рабочего беспорядка у него на столе.

– Совсем забыл, совсем забыл! – оживлённо повторял главврач. – У меня же есть для вас важное объявление. Завтра с самого утра жду вас в главном зале на официальной встрече со мной. Будет весь состав лечащих врачей. Там вы как раз и познакомитесь со всеми, подружитесь, возможно, мы назначим вам ещё больных, возможно нет. На то она и встреча, чтобы обозначить рамки дальнейшей работы. Пропускать встречу абсолютно не допустимо. А пока идите в свою комнату, ведь уже наступил конец рабочего дня, а я всё ещё пашу как лошадь. Так дело не пойдёт! Завтра. 9 утра. И наденьте галстук.

Бернард одобрительно кивнув, встал и двинулся прочь из кабинета. Опомившись, он заинтересовался у главврача, куда точно отнесли его вещи и где теперь его комната.

– Сейчас я позвоню дежурному, он вас и проводит. – сказал Франсуа, поднял трубку телефон, набрал одну цифру и заговорил. – Кабинет главврача, дежурный, нужно показать комнату новенькому, сопроводите.

На момент Бернарду показалось, что Франсуа диктует текст телеграммы, но точно не разговаривает по телефону или отдаёт поручение. В дверь постучали и она тут же открылась с той стороны. По ту сторону порога стоял худощавый молодой человек в максимально длинном и большом халате. Он пригласил Бернарда проследовать за собой и они пошли.

Комната Бернарда располагалась на третьем этаже и представляла собой спальню старой английской квартиры с массивными, но не давящими деревянными предметами мебели,

тёмно-зелёными обоями в мелкий горошек. Посреди помещения стояло два изогнутых кресла, которые больше были бы пригодны для сна, а не для задушевных бесед. Посреди них небольшой журнальный столик с давними выпусками газет, заголовки которых навивали Бернарду воспоминания о студенческом времени. Неслепящие глаза лампы отдавали приятным оранжевым цветом, их было достаточно много, но комната всё равно казалась темноватой, что делало её ещё более комфортной и уютной. В углу стоял чемодан, который, наконец, встретил своего хозяина.

Чемодан, наконец, слился с комнатой, став его частью. Всё вокруг, несмотря на свою казённость, казалось гармоничным и стильным. Стоило только Бернарду сделать шаг, как ветер с улицы открыл окно и немного приоткрыл входную дверь. Вверх взмыли кучи бумаг со стола, как будто это были белые голуби, которых напугали школьники в парке. Ветер немного стих и вместе с ним окончился и полёт бумаг, пыли и всего прочего невесомого, что было в комнате. Под ноги упала одна бумага, она лежала вверх ногами, однако было заметно, как через неё проступала краска. Не было сомнений, что на обороте листка бумаги картина, Бернард взял её в руки и перевернул. Его ещё никогда не бросало в дрожь от одного только изображения, от картины и подавно. Он обходил ни одну сотню музеев за свою жизнь, но не разу не видел ничего подобного. Не сказать, что он испытывал большую страсть к искусству, но в нём он разбирался на уровне обывателя, который гонится за эмоциями, а не за историей картин и биографией художников, посещая музеи. На этот раз он догнал ту самую эмоцию. Здесь было что-то от глубоких пейзажей Куинджи, немного ужаса от работ Босха и вихри одного нидерландского художника, которого Бернард напрочь забыл. Это была определённо зима, тёмная синяя, ночная, снежная. Снег падал огромными хлопьями и отражался от света, который дарил ему клиника, луна и звёзды. Снежинки не распространялись равномерно, они кружились, как будто их засасывало в космическую чёрную дыру, всё на изображении было соткано из тысяч вихрей и превращалось в мозаику, каждый пазл которой затягивал взгляд смотрящего. Эту картину определённо мог нарисовать только умалишённый, подумал Бернард. Но откуда в этой комнате взяться этому рисунку? Здесь обитают только лечащие врачи, а рисунок казался свежим. Может один из санитаров взял его в качестве объекта изучения. Возможно, если бы не одно но, которое заметил Бернард.

На столе лежала кисть от и до испачканная в тёмно-синей краске, рядом в беспорядке собрались остальные рисунки, некоторые из них лежали на полу, все на одной и той же канцелярской бумаге, на которой печатают документы. Почему врач не мог купить себе мольберт, холст и прочие принадлежности для рисования? Все рисунки объединяло одно – вихри. Разные времена года, снег, дождь, туман – это всё был один и тот же вид за окном. На кисти оставалось лишь немного волосков. Кое-где на картинах вихри уже были выпараны, видимо оттого, что волосков на кисти уже не оставалось, чтобы сотворить задуманный рисунок. Бернард собрал всё в стопку – рисунки, документы, рецепты. Ему не было дела до того, что написано на документах, он ужасно хотел спать. Силы остались лишь на то, чтобы закрыть окно, задёрнуть шторы, запретив лунному свету заполнять комнату, перебивая свет от лампы, запереть дверь, завести будильник на первый рабочий день и лечь в кровать. Сон наступил через считанные секунды и даже разыгравшаяся за окном гроза не потревожила его.

Только начал сниться сон о том, как огромные камни падают со скалы и заваливают какой-то проход, как Бернард проснулся от барабнящего стука в дверь. Это не вежливо стучались, так беспардонно будили. Бернард достал из чемодана помятый халат и натянул его на своё тело, не найдя второй тапок он подошёл к двери в одном из них. Краем глаза он заметил, что на часах было только 7:08, а планировал он встать в половину восьмого, да и будильник поставил на это время. Бернард взялся за ручку и её тут же с обратной стороны одёрнул молодой и очень беспокойный врач.

– Сегодня в 9 часов! Помнишь? – возбуждённо протараторил тот.

– Конечно помню, но зачем так рано будить? И кто вы?

– Не важно, живу по соседству. Очень, кстати, рад с тобой познакомиться, мы, получается коллеги! Мне поручили пробудить тебя, что называется, с первыми петухами. Меня зовут Жак, а твоё имя я знаю, если мне не изменяет память – Бернард? Верно?

– Вернее некуда. – зевая ответил Бернард. – Спасибо за твою заботу, но я бы попросил больше не будить меня подобным образом. Я человек современный, у меня и будильник есть. Знаешь, такая штука, он тарабанит тебе в дверь в строго определённое время. Тебе незачем больше беспокоиться о моём сне.

– В 9 тебя все ждут! С первым рабочим днём, Бернард!

Ложиться спать уже не было никакого смысла, поэтому было решено начать приготовления к собранию, к первому дню, к знакомству с новыми людьми. Бернард окинул взглядом комнату и заметил, что среди разного рода барахла совсем не было самого главного – белого докторского халата, который он так мечтал надеть на себя. Ведь именно халат был тем самым элементом, который стал бы символом того, что начинается новая взрослая жизнь без студенческих парт, жизнь наполненная практической и полезной деятельностью. Без него Бернард чувствовал себя не полным, поэтому принял решение одеться в белое по-максимуму. Выбор был не велик, всё ограничивалось белой рубашкой, но это слишком парадно и празднично, не то событие.

Час настал и Бернард вышел из своей комнаты в старомодном коричневом твидовом пиджаке, под которым уютно улеглись жилетка и рубашка с бабочкой. Брюки, ботинки – да весь образ как будто кричал о том, что перед вами житель Лондона образца начала 20 века, вежливый интеллеktуал. Стоило только этому лондонскому денди перешагнуть порог, как его буквально снесли бегущие по коридору врачи, которые стремились занять лучшие места в большом зале на встрече с главврачом. Из бурлящей толпы спокойной походкой вышел Жак, который и поторопил Бернарда.

– Ну ты и вырядился конечно! – прокричал Жак. – Внизу нас уже, должно быть, ждут, а мы всё тут. Франсуа совсем не выносит опозданий.

– Но ещё целых 15 минут до начала, я думаю, можно успеть не раз на это мероприятие.

– Мало ли! Пошли, я как раз покажу тебе главный зал, нужно сесть поближе, есть вероятность, что мы ничего не услышим, если окажемся на задворках!

– С удовольствием приму твоё приглашение.

Бернард произнёс это, зная, что вряд ли можно было бы отказаться, ведь навязчивость Жака была им разгадана, несмотря на всего два коротких знакомства. Они двинулись по коридору, было утро, но в палатах больных был слышен шум, все комнаты шелестели, как осенняя листва, никто даже не думал спать, хотя обычно больным не устанавливают чёткий режим. Кто-то зачем-то приоткрывал дверь, чтобы взглянуть на то, куда так спешат врачи. Но двери наиболее серьёзных больных были заперты на замки, поэтому обитатели палат стояли вплотную к ним, прислушиваясь к шагам. Любопытство одолело всеми. Это показалось странным Бернарду, но он не мог сбавить шаг, потому что толпа несла его по коридорам и лестницам, не давала свернуть в неположенную сторону. В итоге всё встало, как пробка на автостраде, узкие двери не давали быстро пройти в большой зал всем желающим и Бернард оказался зажат коллегами. Протиснувшись через проход, он достиг места встречи, которое нельзя было изменить. Здесь царило спокойствие и порядок, все врачи сидели точно в ряд, перешёптывались, но не повышали голоса, несмотря на то, что главврача ещё не было на сцене.

Жак схватил Бернарда за руку и повёл за собой вдоль сидящих по сторонам. В конце зала прямо у сцены было два свободных места, новоиспечённые товарищи сели прямо туда. Франсуа всё отсутствовал. Его не было ещё минут 30, никто так и не произнёс ничего громкого, коллеги не шумели, боясь потревожить свой настрой и эмоциональное состояние, шёпот превращался в единый шум, напоминающий мантру, которая при определённых обстоятельствах могла бы

вести в транс. Двое дежурных врачей открыли большие двери и проход перестал быть узким. Пользуясь всем простором, в главный зал вошёл Франсуа, зал зааплодировал.

Жак зачем-то встал самый первый, при этом никто кроме него не вставал на ноги, все покорно сидели, а он решил тем самым выделиться, но заметив, что никто не последовал его примеру, поспешил сесть назад.

– Была бы моя воля, не посещал бы эти мероприятия! – вполголоса сказал Жак. В его интонации было столько недовольства, что в нём ясно слышались оттенки страданий всего человечества за все времена, будто расстроенный голос всех поколений звучал в унисон. – Встаёшь в такую рань, чтобы послушать наставления. Да что мне эти наставления? Не то, что я хочу свободнее быть, мне бы просто поспать бы дали. Ну хорошо, хоть кормят.

– Так а почему же ты здесь, раз так хотел спать? Я заметил, что не все врачи вышли из своих комнат, кто-то не счёл должным прерывать свой сон. – спросил Бернад.

– А что прикажешь делать? За посещение какая никакая надбавка к зарплате. Тут жадность решительно побеждает лень, открывая счёт в игре!

– Ну тогда не жалуйся, Жак!

– А что же мне ещё остаётся делать, Бернад. Не лично Франсуа же в лицо высказывать все свои недовольства, ей-богу!

Бернард поспешил прекратить этот диалог, к которому уже терял всяческий интерес. Вместо этого его внимание переключилось на Франсуа, который поднимался к лестнице и приближался к трибуне, которая явно была ему не по росту. Трибуна представляла собой сооружение, призванное сделать из говорящего за ней человеком более великим, чем он есть на самом деле. Но это был не случай Франсуа. Было заметно, что он встаёт на специально подготовленную под его рост подножку. Но и без неё Франсуа бы справился с тем, чтобы произвести правильное впечатление, ведь стоило ему только взглянуть на толпу, окинуть её своим мудрым и в то же время суровым взглядом, как любой шорох, шум, шёпот в зале сошёл на нет. Весь звук резко осыпался, как мимолётный летний дождь. Все принялись слушать своего лидера, который был буквально одет в трибуну и стал настоящим символом власти этого самого момента.

– В первую очередь, хочу поблагодарить тех, кто сумел проснуться в столь пасмурный день. – иронично поприветствовал толпу главный врач. В зале раздался смех, громче всех засмеялся Жак, что вызвало на лице Бернарда легкоугадываемое раздражение. – Сегодня переломный момент в истории нашей клиники. Каждый из вас должен понять, что стоит у истоков новой эры. Опыты предыдущих поколений показывают, что методы лечения больных совсем не соответствуют ожиданиям, так не все больные физически доживают до своего полного излечения. Те способы, которыми руководствоваться психологи и психиатры базируются на научных изысканиях мягко говоря случайных личностей. Мы это видим на примере статистики.

На огромном экране позади Франсуа появился большой слайд с круговой диаграммой, которая давала понять, что за последние 10 лет в психиатрических клиниках мира удалось вылечить только 5 процентов больных. Остальные либо остались в том же положении, либо процесс их лечения затянулся на неопределённое время. Главврач продолжил свою речь.

– Вы видите, насколько несовершенна система психиатрического лечения, а ведь мы уже используем самые современные компьютерные разработки, лазеры, облучение, но вторгаться в разум может только сам человек. Это очевидно, а опыт показывает, что именно это и является самым действенным способом лечения.

В зале послышался лёгкий шёпот, наполненный недоумением, Франсуа постучал ладонью по трибуне.

– Попрошу быть тише. Итак, правительством нашей страны, союзом психиатров и психотерапевтов было решено объявить о запуске новой системы лечения психики – единение!

Слайд экрана поменялся на жирную красную надпись «Единение» с символом в виде схватившихся рук. Появление надписи было сопровождено звуком, который представлял

собой компиляцию из взрыва салюта, кульминационного момента в трейлере к фильму и удара деревянного молота по плоской металлической поверхности. Сердца присутствующих на мгновение замерли и синхронно забились снова.

– В чём дело? – спросил главврач, обратившись к Бернарду. – На тебе лица нет!

Лицо, которого не было, Франсуа разглядел через свет, издаваемый прожекторами. Казалось, что всё освещение выстроилось так, чтобы выделить персону Бернарда среди прочих. Бернард подумал, что через такой яркий свет не видно ни то что лица, а всего вокруг. Но глаз у Франсуа был готов и не к таким испытаниям. Главврач продолжил.

– Ладно, дамы и господа, не будем отвлекаться. То, что я сию же минуту расскажу имеет первостепенную важность, однако это не стоит того, чтобы вы пугались и тем более сидели с лицами, похожими на камень. Разве с такими лицами можно что-то понять? Психологическое здоровье – самое важное, не мне вам об этом говорить. Итак, о «Единении».

Бернард перевёл взгляд на своего новоиспечённого коллегу. Тот, поймав его глазами, всеми безмолвными способами пытался намекнуть, чтобы Бернард снова посмотрел на сцену и не отвлекался. Жестов Жака оказалось достаточно для того, чтобы понять всё без слов. На сцене не утихала речь Франсуа.

– «Единение» позволит нам перевернуть наше представления о психиатрии. Наше новое лечение будет базироваться на принципе социализации психически неполноценной личности за счёт подражания. В чём суть? Грань между врачом и пациентом будет уничтожена. Никаких белых халатов или иных отличительных признаков, мы начнём говорить с больными на одном языке, на их языке. Им будет казаться, что перед ними такой же умалишённый, как и они сами, потому возрастёт степень доверия! Представляйте? Больные избавятся от своих комплексов, а мы, постепенно подавая им пример будем возвращать себя в нормальное состояние, тем самым подтягивая за собой представление больных о нормальности. Больше никаких лекарств, то есть конечно же они останутся, но это будут не те таблетки и вакцины, что мы хаотично раздавали ранее в надежде на скорейшее выздоровление. Таблетки никуда не денутся, но они не будут давать никакого фармацевтического эффекта, попросту говоря – это пустышки.

– Но разве этого будет достаточно? – раздался крик из зала.

– Великолепный вопрос! – продолжил главврач. – Конечно, если бы всё было так просто, то врачи и до нас догадались о таком эксперименте. Наша система сложнее – дело в том, что социализация личности происходит путём приобретения ответственности. Получая социальную роль, человек абстрагирует своё «Я» от «Другой», переходит в состояние оторванности от мира в то же время приобретая единение с ним. В психиатрических клиниках все больные, зачастую, низведены до единого целого. Их социальная роль больных ничего им не говорит, они не желают ассоциировать себя с ней либо попросту отрицают такую роль, в зависимости от степени их заболевания. Тем самым привычная нам социализация не наступает.

Другим элементом социализации являются деньги! Мы убедим больных, что чем больше они будут работать над своим «Я», чем активнее стремиться к излечению, тем больше они получат новых модифицированных таблеток. Разумеется, таблетки не будут влиять на их организм или психическое состояние, как настоящие психотропные средства, это будет эффект плацебо, за которым стоит лишь убеждение. По мнению больных каждая из этих таблеток будет продвигать их всё ближе к полному излечению, к выписыванию из клиники и свободе. Именно этого и хотят все больные в мире – покинуть лечебницу. Больные будут буквально добиваться этих таблеток, ведь кроме них они не будут получать лекарств, это станет их билетом за пределы клиники навсегда. Каждый из вас сможет предложить мне название этих таблеток, которое будет использоваться впоследствии. Коллективным разумом мы добьёмся всеобщей разумности. Нашей разумности и вменяемости пациентов!

Зал не смог более сдерживаться в напряжении и взорвался аплодисментами.

Главврач снова подвинул к себе микрофон и продолжил говорить.

– А теперь о самой сложной задаче, которую нам предстоит выполнить. Это начальный этап, но первый шаг самый трудный. Нам надо будет убедить своих пациентов в том, что мы с ними на одной волне, необходимо будет почувствовать каждого из них. Дать понять, что мы ничем не отличаемся от них, то есть если, например, пациент бьётся головой об стену, врач незамедлительно должен составить ему компанию.

– И сколько это будет продолжаться? – снова выкрикнул кто-то из зала.

– Ровно столько, сколько мы посчитаем нужным, ведь нам необходимо изменить представление больных о нас, стереть рамки. Как только мы все будем уверены, что больные нам доверяют, не видят разницы между собой и нами, тогда мы начнём переходить ко второму этапу лечения. Мы станем возвращаться в нормальное состояние, пока они не начнут повторять за нами. Если кто-то не будет слушать то, что мы им говорим, то мы поговорим с ним, но по-другому. Надеюсь, что первый этап пройдёт всего за несколько месяцев. Мы оправдаем надежды! На этом собрание можно считать законченным.

Зал наполнился неудержимым криком, все кричали так единообразно и согласованно, как будто существовала какая-то директива восторга, о которой Бернарду забыли сообщить. Затем крик перешёл в неконтролируемый вой и был заглушён постукиванием человека за трибуной. Теперь там стоял секретарь – невысокий рыжеватый человек, на лице которого уверенно поселилась ухмылка. Он отличался немногословностью, и этот раз не был исключением.

– Попрошу врачей подойти к своим ответственным за принятием дальнейших инструкций. Ответственные расположились за столами слева. Новых врачей прошу подойти к столу номер 21.

В левой половине зала тут же загорелся свет и озарил таившихся в темноте ответственных за аккуратно расставленными столами, коих насчитывалось ровно 21. Ответственными выступали сами врачи, которым выпала возможность подготовить все необходимые документы. Собравшиеся начали подходить к своим столам, Бернард в спешке начал искать тот самый двадцать первый стол, которого уже почти не было видно за образовавшейся толпой. Но, кто-то толкнул растерявшегося Бернарда в плечо и по-командирски произнёс: «Ну, что стоишь, времени совсем нет. Ты новичок? Вон твой стол, с краю!»

Бернард тут же поспешил к указанному месту, где уже стоял один из врачей и слушал наставления.

– О, а вот и Бернард! – произнёс ответственный. – Вас тут всего двое новичков, а собираетесь дольше всех. Итак, задания у вас будут совсем разные. Кстати, познакомьтесь. Это Бернард – новый врач, только после университета, как я понимаю. Это Лоренс, он перевёлся к нам из клиники, где прослужил уже 11 лет, но повздорил с начальством и нашёл себе применение у нас. Лоренс, начнём с тебя!

Лоренс выправился и занял максимально заинтересованную позу.

– От тебя будет требоваться тоже, что и от остальных врачей. Во время первого этапа у тебя появится несколько больных, которых тебе предстоит вылечить. Так как мы не знаем, какие у тебя творческие и артистические способности, больные будут представлять разные болезни, от обычной мании преследования до крайней формы шизофрении. Тебе нужно будет повторять движения, речь, повадки, а самое главное – симптомы каждого из них! Лоренс, тебе понятно?

– Более чем!

– Так вот. В конце концов мы выясним, с кем тебе легче всего работать. Затем мы постараемся, чтобы все твои пациенты были больны той же или схожими болезнями.

– Но почему бы мне просто не работать с теми типами пациентов, с которыми я работал в предыдущей клинике?

– Потому что это совершенно новый метод лечения, определённо не похожий на тот, с которым ты работал в своей больнице. Уже ничего не зависит от лекарств, ход лечения паци-

ентов будет только на твоих плечах. Ты – их главное лекарство, а таблетки, которые они пьют – пустышки! Ты что не слушал Франсуа?

– Мне просто захотелось уточнить.

– Хорошо, Лоренс. Тогда возьми вот это. – ответственный указал на папку. – Тут твои первые пять пациентов. Изучи личное дело каждого и постарайся вжиться в роли, уже завтра ты должен со всеми нами познакомиться, объявив, что ты их новый друг. Сделай это так, как будто с ними разговаривает точно такой же умалишённый!

Лоренс тревожно взглянул на Бернарда, взял в руки измученную временем папку с делами пациентов, развернулся и стремительно растворился в толпе.

Теперь внимание ответственного доставалось Бернарду, который перенял у Лоренса всю тревогу и старался не выдавать свою обеспокоенность, улыбаясь через силу.

– Прекратите так на меня смотреть, как будто я ястреб летящий на вас своим острым клювом. У вас и задача поинтереснее и не такая сложная, как вам может показаться. Вот ваша папка! – ответственный указал на ярко красную папку на столе. – Там не будет никаких личных дел больных. Вы начнёте немного иначе, ведь вы в нашем деле человек совсем новый. Будете измерять, так скажем, среднюю температуру по клинике. Все больные в вашем распоряжении. Можете повторять кого угодно, но старайтесь делать это обособленно, ведь у каждого из них уже есть свой лечащий врач. Мы обязательно ознакомим вас с личным делом того больного, который покажется вам наиболее интересным. Если таковых будет несколько, то пожалуйста, так даже лучше.

Основная ваша задача – вести журнал, где вы в общей форме будете излагать перемены в лечении больных. По большей части от вас будет зависеть конец одного этапа эксперимента и переход к другому. Конечно, все ваши действия будут иметь рекомендательный характер, заключительное решение за Франсуа. Сейчас всё объяснять нет смысла, так как понимание придёт к вам на практике. Каждый вечер вы будете приходить ко мне и устно отчитываться о проделанной работе и наблюдениях, затем вы будете сдавать журнал. Когда у вас появятся больные, то те же действия вы будете совершать и по отношению к больным. Рассказывать, как у вас развивается общение с ними, вербальное и невербальное, какие успехи уже видны. Сегодня день, когда все врачи только знакомятся со своими новыми пациентами, изучают их дела, поэтому можете взять выходной. Выйти на улицу или остаться в своей комнате. За всеми рекомендациями можете подходить ко мне. Комната 187. Всего хорошего!

– Спасибо вам. – произнёс Бернард, который уже начал засыпать от монотонной речи ответственного. – До встречи!

Бернард пошёл к выходу через галдящую толпу, было уже не разобрать, что говорит каждый из врачей, как будто все уже начали вживаться в свои роли. Из бурлящего потока безумия выделялся неподвижно стоящий Лоренс, который изучал личные дела и пытался вызубрить болезни каждого, мысленно представляя, как ему предстоит действовать. Бернард пожал руку новому коллеге и пожелал удачи, а затем продолжил свой путь. По дороге он вспомнил, что забыл спросить имя своего ответственного, но возвращаться назад он решительно не хотел, в зале было совсем душно и каждое движение в такой обстановке могло бы быть приравнено к походу по илистому берегу моря, где при любом действии ил сковывает тебя ещё больше и не даёт вольно закончить шаг. От таких испытаний решено было отказаться, и Бернард ринулся прочь.

Юноше казалось, что он бежит в неизвестность, как планеты и прочая звёздная пыль отправляется в последний путь по направлению к самому сердцу чёрной дыры. Им овладела тревога, страх, беспокойство... казалось, что впереди сплошное ничто. Он то и дело пытался успокоить себя мыслями о том, что ему всё объяснили, ходи и записывай, делов то. Полная свобода действий, почти никто не отвлекает, не дышит в спину и не руководит напрямую, рамки разорваны в клочья. Но это только добавляло мыслям о неизвестности тревогу, заря-

жало её, давая очередной повод для беспокойства. Вот бы дали чёткое задание, определённого больного с понятным заболеванием, но нет же, делай что хочешь.

Бернард и не заметил, как уже оказался в длинном коридоре. «Решено, никаких прогулок» – подумал он. Сегодня он решил остаться в здании, тем более, что он тут всего второй день, а уже столько неизведанного и нового. Юноша поднялся выше – на четвёртый этаж. Праздное любопытство не давало ему покоя. В почти заваленную разными макетами и плакатами дверь заходила толпа людей, шедшая с собрания. Когда они заполнили комнату, вокруг воцарилась тишина, но встревоженные голоса новых обитателей загадочной комнаты были слышны на весь коридор. Бернард поспешил подойти ближе к двери, чтобы прислушаться получше к происходящему внутри. Он никого не знал, поэтому не мог определить голоса.

– Так, снова берёмся за старое значит?

– Конечно, пропагандируем!

– А что же нам делать с этим самым...

Голоса резко прервались, а вслед за ними притихли и всяческие шумы, как будто в комнате не было ни души. По коридору послышался чей-то бег, который резко перешёл в размеренный шаг. Из-за угла вышел человек и тут же взглянул на Бернарда.

– А вы что тут делаете? – спросил незнакомец. – Разве вам не было дано распоряжение?

– Я новый врач. За неимением поручений мне сегодня дали выходной, решил провести его в стенах клиники, чтобы получше изучить дела.

– Это редкость в наши дни, все так и стремятся свалить с работы пораньше, а уж в выходной сюда никто вообще ни ногой. Почему же вы стоите у двери этого департамента?

– Какого департамента?

– Департамента пропаганды! Вот же он! – незнакомец указал на дверь, за которой были слышны голоса

– Все те, кто сегодня подошёл к первому столу, были назначены как раз в этот департамент, и я среди них! Ладно, давайте скорее зайдём в комнату, я точно слышу чьё-то дыхание, там за углом. Кому ещё понадобилось за нами следить?

Они вошли внутрь, и перед Бернардом в по-театральному разных позах сидели врачи и смотрели только на него. Комната была увешана белыми листами бумаги, разного рода кадрами из киноплёнок, графиками и прочими недостойными внимания вещами. Незнакомец поспешил представиться.

– Меня зовут Рауль. Мы с коллегами с сегодняшнего дня будем думать над тем, как провести среди больных пропагандистскую работу, будем доносить до них, что все медикаменты отменяются.

Один из присутствующих в углу комнаты тут же закричал что-то несвязное и порвал лист бумаги, лежащий перед ним.

– Отлично! – продолжил Рауль. – Я смотрю вы уже начинаете имитировать своих пациентов, хорошая попытка. Кстати, это Бернард. Он, видимо, будет всё за нами записывать. Только не сегодня, Бернард, дай и нам выходной!

Присутствующие тут же в унисон засмеялись.

– Может вы поделитесь с нами соображениями, Бернард, как нам рассказать сумасшедшим людям, что их таблетки, лекарства и уколы уже не имеют для них никакого значения? Что теперь у них одно лекарство, которое будет способствовать их выздоровлению в зависимости от того, какое количество этого лекарства им достанется. Эти таблетки из мела.

Рауль взял одну таблетку и закинул себе в рот, разжевал и выплюнул на пол, затерев ногой, чтобы не оставалось следа.

– Почему бы не сказать им напрямую? Вот таблетки, новые, надёжные. – сказал Бернард.

– Нет, дорогой мой, как же! Они уже привыкли жить по-старому. Проблема не в том, что, они начнут употреблять что-то другое. а в том, что нужно заставить их за это бороться.

Рауль подошёл к замку и проверил его. Дверь оказалась открытой.

– Кто не закрыл дверь? Кто? – крикнул Рауль. – Ах, не обращайтесь внимания, тренирую свою манию преследования, новый пациент. Ведёт себя один в один как я сейчас.

– Можно заметить? – спросил всех Бернард.

– Замечайте столько, сколько считает нужным. – сказал Рауль.

– Так вот, не кажется ли вам, что у этих псевдотаблеток будет совсем неблагоприятное побочное действие – мы убедим пациентов в том, что лекарство является высшей ценностью и обеспечивают скорейшее счастье, но после прохождения лечения больные уже на свободе будут искать эти таблетки. Некоторое из них узнают их реальное предназначение, поймут, что их водили за нос и снова вернуться в клинику. Разве не так?

Один из присутствующих, встал, прекратив бить кулаком по столу, пока говорил Бернард.

– Нет... нет! – возразил он второй раз на несколько тонов ниже. – Прошу заметить, что всякая привычка напрямую зависит от ситуации, в которой было совершено это привыкание. При смене места все представления человека о ценностях и удовольствиях могут кардинально поменяться. И история знает претенденты! Известно ли вам, что не меньше 20% американских военных во время вьетнамской войны сидели на героине? Шёл 20-й век, о наркотиках было известно мало, о их пагубном влиянии ещё меньше, а солдаты, насмотревшиеся на ужасы войны, попав в условия почти полного беззакония, не могли отказать себе в удовольствии. Это был настоящий героиновый бум! Произошла полнейшая декриминализация наркотиков, они продавались на каждом углу. Все боялись только одного – когда ветераны войны во Вьетнаме начнут возвращаться в США, они станут тотальными наркоманами, перенесут эту культуру на мирное население, американцы начнут деградировать, как нация. Но не тут то было! Война подошла к концу, новоиспечённые ветераны вернулись домой, но никакого героинового бума не случилось. Всё утихло, а солдаты, принимавшие наркотики забыли про свою зависимость. Они вернулись к мирной жизни теми же людьми, какими были до войны, если не считать отпечатка ужасных впечатлений. Привыкание к наркотикам – это то, что у нас в голове. Это вовсе не биологический процесс, как могут думать многие. Также и наши пациенты забудут о таблетках, как только снова окажутся в мире, который они вынуждены были покинуть.

– Что же, полностью согласен! – заметил Бернард. – Надеюсь, что ваша гипотеза на 100% верна, хотя у меня и есть некоторая доля сомнений по этому поводу.

– А вы не сомневайтесь. – сказал Рауль. – Смотрите на факты и наш эксперимент получится и мы действительно перевернём привычное представление о психиатрии!

Рауль взял фломастер, подошёл к белому листу, висевшему на стене и уверенно прочертил линию, над которой выдал текст: «Пропаганда среди пациентов».

– Обман начинается! – восторженно произнёс Рауль! Первым делом нам надо придумать, как мы назовём этот чудесный псевдопрепарат, который будем выдавать больным в качестве лекарства. Ваши предложения, товарищи!

– Давайте глутаминкарбамано...

– Нет! – Рауль прервал предложение, робко доносившееся с задних рядов! – Мы же не даём настоящее название психоневрологическому препарату, нам важно, чтобы о нём говорили все, чтобы его название было слышно из каждого утюга. А с такими околонучными терминами мы успеха не добьёмся. Ну кто из больных будет бороться за то, что запомнить, а тем более и выговорить не может! Надо броское и удобное название, как рубль, йена или евро...

– А почему бы просто не назвать это золото? Золото – великолепное название, все его знают и семантический смысл сразу понятен! – поступило ещё одно предложение.

– Может тогда уж бриллиант!

– Самое ценное – это любовь! Представляете, целая клиника больных, которые борются за любовь, а у врачей столько любви, что они могут исцелить ей всех и сразу!

– Остановитесь! – сказал Рауль, топнув ногой, чтобы утихомирить набравший силу шум и гам и переключить внимание собравшихся на себя! – Ну какая любовь, какие бриллианты! Название должно быть полностью выдуманным, не известным ранее. Не нужно, чтобы у больных возникали какие-то мысленные, когнитивные связи по этому поводу. Надо, чтобы они думали «просто хочу... это! И всё!».

– Что их объединяет, кто для них, кумир, лидер, к чему они стремятся и что почитают?

– Главврач Франсуа? Как они к нему относятся? – поинтересовался Бернард.

– Довольно неплохо. – ответил Рауль. Вот уж кого-кого, а Франсуа они точно уважают. Разбегаются по углам, когда он идёт по коридору, успокаиваются, как летний ветер, если были штормом.

– Тогда Франсуатон – отличное название для лекарства. Очереди за франсуатоном, борьба за франсуатон, франсуатовая лихорадка в конце концов!

Настроение в комнате резко поменялось, врачи стали переглядываться всё чаще, одобрительно кивая, глядя на своих коллег. Для Бернарда это был очередной триумф, хотя окончательного заключения ещё не было известно, вердикт в пользу последней версии уже повис в воздухе и волной выплеснулся на присутствующих из уст Рауля:

– Франсуатон! И где ты научился так мастерски выдумывать слова. Какое насыщенное и хлёсткое название, сколько в нём шарма и тревоги.

Рауль взял свой фломастер и написал на белом листе бумаги на стене «Франсуатон». Отошёл на несколько шагов назад, не разворачиваясь, спиной. Затем он по-новому взглянул на это название, задрав голову вверх, как будто оценивает новый автомобиль перед покупкой. «Франсуатон» – снова повторил он. Затем Рауль достал из кармана небольшую колбу с таблетками и отряхнул её ваты, которая не давала им звенеть при ходьбе.

– Да, Франсуатон, так тому и быть! Кто за, поднимите руки!

Все, за исключением одного врача, подняли руки.

– Я смотрю, среди нас есть несогласные! – сказал Рауль. – Я говорю, среди нас есть несогласные? – повторил он намного громче и на порядок вопросительнее.

Несогласный сидел неподвижно и смотрел в одну точку прямо перед ним, на столе. После второго замечания Рауля, он резко подскочил, как будто отошёл от какого-то наркоза и поднял руку так, что казалось, что ещё немного и мог бы вывихнуть её от столь резкого движения.

Толпа оказалась на сто процентов согласна с идеей Бернарда. Слепо подчинялись даже те, у кого с самого начала обсуждения присутствовал легко уловимый скептический взгляд. Рауль обратился к одному из сидящих в комнате и велел составить распоряжение о новом названии лекарства, а затем рассказать об этом всем врачам клиники, чтобы те донесли информацию до своих пациентов.

– До чего у вас всё-таки слаженная работа! – заметил Бернард.

Рауль на мгновение остановился, будто это замечание сбilo его с хода мысли и прервало её всяческое развитие. Затем он собрался и ответил Бернард:

– Когда мы начинаем заниматься чем-то новым, то волей неволей начинаешь переживать за ход эксперимента. Нет никаких проблем, пока всё идёт как часы!

– Но разве непредвиденных обстоятельств не избежать?

– Мы будем стараться, мой дорогой Бернард, чтобы их совсем не было, иначе всё рискует пойти насмарку.

Только Рауль закончил говорить, как в комнату молнией ворвался запыхавшийся от долгой пробежки по лестницам врач. Дверь за ним ударилась о стену так, что немного пробила синие обои до штукатурки, которая, как песок в песочных часах посыпалась на пол. Именно время и интересовало беспокойного врача.

– Ну что? Ну как? – начал тот.

Он резко прервал свою тираду, когда заметил, что в комнате находится Бернард.

– А вы кто такой? Новый врач? Я вас совсем не помню? Ладно, Рауль, расскажите, когда вы уже закончите работу над названием лекарства. Поступило распоряжение из министерства, они не хотят откладывать начало эксперимента ни на минуту.

– Больше никаких минут и не надо. – Смело возразил Рауль. Более того, всё уже готово. Только послушайте: «Франсуатон». А! Как гром!

– Отлично! Главное – чтобы этот гром не заставил всех пациентов попрятаться по углам и хватать воображаемые зонты, чтобы избежать надвигающегося ливня.

Оставив за собой задумчивость после высказанной метафоры, беспокойный врач убежал прочь, забыв закрыть дверь, что и заставило Рауля поволноваться. Он тут же закрыл дверь и смёл штукатурку возле неё ногой в сторону комнаты, чтобы след от неё никого не отвлекал.

– Ладно, за работу. – вскрикнул Рауль командирским голосом. Все врачи тут же встали и двинулись из комнаты прочь под наставление Рауля начинать вести себя, как сумасшедшие, чтобы положить начало эксперименту.

В комнате не осталось никого, кроме Рауля и Бернарда.

– А вам не кажется, что существует доля вероятности... – сказал Бернард, откашливаясь. – Есть вероятность, что пациенты не примут единственное лекарство, как что-то из ряда вон выходящее. Они же привыкли понимать, что лекарств множество, одно из них лучше другого, каждое для своей болезни. Конечно, я говорю исключительно про тех больных, которые вообще могут хоть что-то понимать.

– Вы не учитываете одной важной детали. – начал отвечать Рауль. – Они же все поголовно из нашей страны. Ни одного иностранца, если не считать представителей малочисленных народов. Я вам объясню! В них генетически заложена идея мещанства! Как и во мне и в вас. У нас совсем иные представление об удовольствии, нам монет на ладони поднеси мы и рады. Вот например немец или американец будет радоваться новым кроссовкам или последней версии гаджета? В какой-то мере да, но это не будет его самоцелью, он купит кроссовки, чтобы бегать и держать себя в форме, а гаджет ему нужен за тем, что ему необходимо быстро получать и отправлять нужную информацию. Их цели стоят гораздо дальше материального интереса, это и отличает наше мещанское общество от их буржуазного. Хотя мы и стараемся избавиться от мещанства в себе не одну сотню лет, но это часть нашей самобытности, как любовь к берёзам и лугам.

– А при чём же тут больные?

– Больные тут вот при чём. Им крайне просто объяснить, что такое самоцель в виде таблеток. Но это на первом этапе. Разве они мечтают выйти от сюда? Это же не тюрьма! Они будут хотеть получить их мещанские ценности. При то, чем больше, тем лучше. Ведь признание в форме выхода из больницы будет зависеть как раз от количества Франсуатона, а не от его конечного предназначения. Поэтому богачи в России и набивают свои гаражи дорогими авто, а сейфы драгоценностями. Мещанство возводит в ценность момент, а не всю жизнь целиком. 70 лет СССР идея мещанства пролетарским молотом выдалбливалась из голов советского человека, звучали призывы отказаться от быта в пользу идеологии. И что в итоге? Быт одержал оглушительную победу, а Советский союз разрушился, как картонный домик, потревоженный ветром мещанских устоев.

Рауль кивнул головой, что придавало его речи ещё больше убедительности, затем подошёл к двери и приоткрыл её. Перед тем, как выйти он немного выглянул и осмотрел коридор с обеих сторон, затем сказал:

– Всё, с этого момента я такой же сумасшедший, как и мои пациенты, удачного дня.

Рауль вышел из комнаты и быстрым шагом отправился вниз по лестнице. Бернарду ничего не оставалось, как сделать пометку в своём журнале о проделанной работе. Затем он вышел вслед за Раулем и достиг лестницы и встретил Жака, который спешно поднимался вверх.

– Здравствуй. – по-соседски поздоровался Бернард. – Как проходит твой день?

– А почему ты интересуешься?

– Мне кажется, что это моя основная работа – ходить и интересоваться у всех о их делах.

– Всё ясно, решил взять небольшой перерыв, как раз направляюсь в комнату отдыха для персонала больницы.

– Может покажешь мне где эта комната и что она из себя представляет. Я пока знаком с этим заведением лишь отрывками.

– Пошли!

Врачи двинулись вперёд и Бернард заметил, что глаза у Жака беспорядочно бегают из стороны в сторону, как жадная до чаевых официантка питейного заведения. Бернарду не составило труда понять, что это происходило из-за того, что Жак вживался в роль какого-то своего пациента, чтобы угодить ему во благо эксперименты. Затем он произнёс:

– Я давно хотел спросить кого-нибудь об эксперименте. Тебе не кажется, что вся эта затея слишком проста. Я не замечал, что проводились какие-то научные и практические исследования по этому поводу, не собирались врачи, пресса не пестрила заголовками о надвигающейся революции в сфере психиатрии. Просто это идея пришла кому-то в голову и тут же все приступили к её реализации? Так выходит?

– Всё так. – ответил Жак.

– Но это нонсенс!

– Бернард! Разве тебе кажется, что за плечами всех великих идей стоят годы упорного труда, собрания учёных, экспертов, лабораторные разработки и тонны взаимоисключающих гипотез, из которой лишь одна верная? Все самые великие открытия на нашей планете были созданы случайно. Совсем не первопроходцы поняли, что Земля имеет форму шара. За сотни лет до него Аристотель, не сдвигаясь с места, понял, что Земля круглая, просто взглянув на Луну. Он просто догадался, что наша планета отбрасывает тень на Луну, а тень круглая, следовательно тень такой формы может происходить только от шара. Это и подтвердили другие исследователи, включая Колумба, путём опыта. Тут и Америку открывать не стоит, нужно просто один раз догадаться. Все самые гениальные открытия описываются одной элементарной идеей, а доказательства – удел учёных и исследователей, типа нас. Идея нашего эксперимента действительно простая на первый взгляд, но она может перевернуть всё представление о мире также, как это сделал в своё время Аристотель!

После такого аргумента все возражения Бернарда были разгромно уничтожены. Он молчал. Врачи дошли до комнаты отдыха, которая находилась за огромным стеклом от пола до потолка. Но стекло было до того толстое и массивное, что отдавало зелёным цветом.казалось, что его невозможно ничем пробить, даже молотком, так что ни один больной не мог помешать покою врачей, несмотря на то, что их отделяла лишь эта стена из стекла.

Жак открыл дверь комнаты отдыха и зашёл внутрь. Бернард решил оглядеть её со стороны. Комната больше представляла собой оранжерею, нежели зону для спокойствия. Эта была огромная галерея, попадая в которую можно было представить себя в джунглях на островах Карибского бассейна, не хватало лишь пения птиц и шелеста листьев от океанского бриза. Безжизненные тропики в статичном положении, замершие на минуту, чтобы отдохнуть и снова приступить к ласкающему слух пению. Но эти тропики остановились навсегда и оттого спокойствие становилось ещё более чарующим. На одном из мягких диванов оранжереи Бернард заметил одного из врачей из знакомого ему отдела, занимающимся пропагандой, где всем заправляет Рауль.

Врач сидел, выпрямив спину, а вокруг него были беспорядочно разбросаны исписанные листы бумаги, рядом лежала пачка таких же листов, но новых, не исписанных. Врач держал в руках планшет, клал на него листок и фанатично исписывал от края до края. Бернард решил незаметно подойти мимо и взглянуть на то, что же стоит таких усилий. Оказавшись в зоне

отдыха, он тихо подкрался к врачу сзади и потерял всяческое самообладание. Он был действительно в ужасе. Лицо Бернарда практически за мгновение изменило оттенок и стало бледным, глаза округлились, а дыхание замерло после резкого вздоха.

На листке врача было написано лишь одна фраза: «повинуйся, прошу». Фразой были исписаны все листы возле него, никаких пробелов, всё единым текстом, листок за листком.

– Что такое? – спросил Бернарда врач, который подошёл к нему со стороны и резко одёрнул. Куда смотришь?

– Я смотрю на эти слова, что они значат и почему ими исписаны все листы?

Лион занимается этим, чтобы войти в роль своей подопечной. Несколько лет назад её бросил муж, у неё остались дети, но она сошла с ума и угодила к нам в клинику. Честно говоря, она уже раз возвращалась к своим детям, но после заметного ухудшения состояния она была вынуждена снова вернуться в лечебницу. Как раз после возвращения она и начала писать письма с одной и той же фразой, призывающей её любимого вернуться к ней. Она не просила отправить эти письма адресату и даже не запечатывала в конверт. Просто кидала их рядом и всё.

– А почему же он выбрал для тренировки фразу, которая имеет совсем иной смысл?

– Этого я знать не могу. Скорее всего такое сочетание букв позволяет ему получать больше удовольствия от монотонного расписывания бумаги. Кто знает!

В то время, когда звук в комнате утих настолько, что слышны были лишь плавные движения карандаша, исписывающего бумагу, не оставляя шанса пустым местам на листе, внутрь вошёл человек. Он производил впечатление самого спокойного мужчины на Земле, казалось, что его лицо не выражало никаких эмоций вот уже 20 лет. Это был очередной врач, так небрежно одевший свой халат, что даже правая часть ворота была заправлена внутрь, на ткани спины выстроились в ряд складки от постоянных сидений на диванах, а туфли в своей жизни встречали только мелкую пыль больничных ковров, но никак не щётку или воск. В таком виде могут себе позволить ходить только бездомные и буддистские монахи, но вторые в отличие от нищих такое положение вещей только приветствуют. Что-то от буддизма и было в этом враче, в первую очередь – всепоглощающее спокойствие. Такое, что если бы он был персонажем картины «Девятый вал», то вокруг него даже самые свирепые волны вели бы себя тише. Тем не менее врач обратился к Жаку и произнёс весьма не спокойную новость:

– Пока ты тут отдыхаешь, твои больные то и дело стараются поднять бунт против новых порядков, приглядел бы ты за ними, провёл бы беседу.

После этого замечания, врач без лишних шорохов, мягко ступая по комнате отдыха приблизился к дивану и поспешил слиться с ним воедино, исчезнув почти полностью.

– Что же, надо идти к моим, так и знал, что кто-то воспримет эксперимент в штыки. Бернард, мне нужно покинуть тебя! – сказал Жак.

Но Бернард не хотел делить своё общество с человеком-диваном, писарем и давящем спокойствием комнаты отдыха, он произнёс:

– Пожалуй, я пойду вместе с тобой, что мне тут делать?

– Не стоит так переживать, рядовой случай. И вряд ли ты там откроешь что-нибудь новое для себя. Отдохнул бы лучше, коли выдалась возможность. Знал бы ты, как я тебе сейчас завидую. Я – человек подневольный! Сказали – пошёл выполнять.

– Но всё-таки ты меня уже достаточно заинтриговал, хоть составлю тебе компанию по дороге.

Жак пожал плечами, оглянулся вокруг, выдохнул весь воздух, который только мог и неохотно согласился. Они оба двинулись по лечебнице по направлению, которое то и дело забывал Жак.

– Ну вот, мы пришли! – сказал тот. – Это комната моих пациентов, тебе туда заходить не рекомендуется, так как их поведение настолько шокирует, что у тебя появится столько

вопросов. Столько! Да мне всего рабочего дня не хватит, чтобы рассказать тебе всю их историю, а у меня работы полно.

Бернард не выдержал нарастающей интриги и немного приоткрыл дверь палаты. Там на скрип двери обернулись: Женщина, лет сорока, престарелый мужчина неопределённого возраста и 50-летний совершенно невменяемый больной, руки которого были изрисованы красной гуашью, будто он вырисовывал ими картины.

– Кто это ещё? – поинтересовался у Жака Бернард.

– Интересные люди. Как известно у нас, как и во всяких клиниках, существует гендерное распределение на мужские и женские палаты, но эти господа и дама уверены что они влюблены друг в друга, однако их безумие не даёт им почувствовать любовь в привычном нам понимании. Они вообще утверждают, что их любовь имеет только функциональное значение. Приятно им быть вместе и всё тут, не разберёшь. Но чувств не испытывают.

– Похоже на теория стакана воды! – в очередной раз сумничал Бернард, чем вызвал вопросительное выражение лица у Жака. Не дожидаясь самого вопроса, Бернард продолжил пояснять. – Был такой принцип на заре Советского союза, согласно ему всяческое совместное проживание сводилось к инстинктивному удовлетворению потребностей. Секс приравнялся к утолению жажды стаканом войны, отсюда и название. Видимо и эти так живут.

– Не исключено, спасибо за гипотезу, коллега. – деловито сказал Жак и зашёл в комнату, закрыв дверь на ключ с внутренней стороны.

Бернард принялся записывать увиденное и заявленное им в свой журнал, который он прислонил к стене, так как вокруг не было ничего, похожего на стол.

Больные то и дело пытались выкрикивать какие-то нескладные слова, но сами прерывали друг друга на полуслове. Из-за этого в палате стоял такой невыносимый гам, что только от него можно было с лёгкостью сойти с ума самому обычному человеку. Жак снял свой белый халат и дал его в руки Бернарду, затем встал посреди комнаты и начал оценивающе оглядывать происходящее. Первой к Жаку подошла женщина, но смущение перед новым человеком взяло верх и она стремительно убежала в угол комнаты, при этом в высшей степени странно смеясь.

Гул в палате нарастал и на лице Жака уже трудно было не заметить недовольство, которое в конце концов переросло в бегство из палаты от невыносимых выкриков больных. Жак попытался начать разговаривать на их языке, но не мог поймать волну их манеры общения, что заставило его захлопнуть за собой дверь.

– Ладно, это крайне невыносимо! – сказал Жак, обращаясь к Бернарду. – мне нужно лучше изучить этих больных, а затем я примусь за работу с ними, как там... кричать? Краска по стене? Справлюсь, я справлюсь.

Затем Жак начал разговаривать вполголоса, потом ещё тише, что-то нашептывая себе под нос. Можно было лишь разобрать его: «кричать... краска... кричать...». С этими невнятными фразами, произносимыми под нос, Жак и ушёл прочь от Бернарда, не попрощавшись. Ничего не оставалось сделать, как перелистнуть страницу блокнота и записать в нём свои впечатления от увиденного с новой строки:

«18:30. Увидел больных своего соседа Жака. Встреча больных с врачом была недолгой. Видимо, по неопытности врач не всесторонне изучил предполагаемое поведение больных, что послужило причиной его скорейшего бегства из палаты. Но, стоит отметить, что врач всё делал согласно нормативам, пытался вжиться в роль больных, даже снял свой халат, чтобы не смущать больных внешним видом. Но сыграл эффект искажения восприятия чужака в пользу своего окружения. Больные, которые уже довольно долгое время ограничивают свой круг общения стенами собственной палаты сформировали комфортную для них атмосферу. Себя они определяют позитивно, а других людей встречают как врагов. Этому предвзятого отношения к себе не избежал и их лечащий врач Жак.

Предположу, что эта модель поведения связана с деятельностью нейромедиатора окситоцина. Как раз того гормона, который активизируется сразу после рождения, чтобы ребёнок смог определить родителей, как родных людей, а посторонних, как чужих, которых нужно опасаться. Например, поэтому мы болеем за спортивную команду своей страны, своего штата, а в других склонны замечать недостатки. Тем более, что больные этой палаты сформировали своё общество с собственными порядками, один из которых так напоминает советскую теорию стакана воды. Вследствие этого могу предположить, что оценивать компетентность врача здесь не имеет смысла, потому что всё относительно.»

Бернард закончил писать и схлопнул свой журнал одной рукой так, что на весь коридор раздался хлопок. От этого неожиданного звука кто-то за углом испуганно взвизгнул, что привлекло внимание Бернарда. «За мной следили?» – подумал он. Бернард пошёл в сторону визга, заглянул за угол и заметил, как в конце коридора закрывается дверь. Вся ситуация показалась ему настолько пустяковой, что он лишь пожал плечами, снова посмотрел на часы и вспомнил, что пора готовиться к завтрашнему – первому официальному рабочему дню. Бернард пошёл в сторону своей комнаты, звеня ключами от неё у себя в кармане. Вдруг он опомнился, что было бы неплохо поделиться первыми записями в журнале. Ответственный точно оценит труд в выходной день, это определённо будет плюсом.

Поэтому Бернард дошёл до комнаты 187 и, крепко сжимая журнал в руках, постучался в дверь. Никто не открывал. Бернард подумал, что, возможно, у его ответственного тоже сегодня выходной день, хотя существует вероятность, что он лишь где-то задерживается. Бернард решил подождать у двери 10 минут, на всякий случай. Послышались шаги, кто-то шёл мимо и Бернард тут же его одёрнул.

– Вы не знаете, кто живёт в этой комнате? – спросил Бернард врача в белом халате.

– Да, конечно, а по какому вопросу вы интересуетесь? – предельно громко поинтересовался прохожий.

– Здесь должен быть мой ответственный и я бы хотел поделиться с ним кое-какими записями... несмотря на то, что у меня выходной. – зачем-то добавил Бернард.

– Не все врачи, знаете ли, постоянно находятся в своих комнатах. Проживающие в этом городе могут отпраиваться к себе домой. У вашего ответственного сегодня как раз такой день, всего хорошего.

Прохожий врач закончил свою речь на настолько повышенных тонах, что даже входная дверь в комнату 187 тряслась от ужаса, который наводил на всё вокруг этот человек. Учитывая улыбка Бернарда сменило разочарование и он отправился в свою комнату на третий этаж.

Закрыв за собой, Бернард снова зажёл оранжевые лампы, несмотря на то, что за окном ещё было достаточно светло и солнце только коснулось горизонта. Солнце пробивалось через окно и занавески и вместе с ламповым светом окрашивал воздух в помещении в сказочно-жёлтый, что меняло настроение Бернарда на безмятежный покой. Он подошёл к креслу, опрокинув по дороге мольберт, раскинулся в нём и спустя несколько секунд уснул. Проснулся он от того же солнечного света, но уже утреннего, а также от громких шагов врачей за дверью. Проспал. Но на часах было ровно 9:00, а значит, что самое время начать работу. Времени на утренние приготовления уже не было, да и одежда вся была уже надета, поэтому Бернард, слегка помятый, открыл дверь.

Он заметил у лестниц спускающегося вниз Жака, которого тут же поспешил догнать и сказал ему:

– Привет! Ты не знаешь, где тут можно поесть? Вчера перебивался мелкими перекусами, да и то из то, что принёс с собой!

– Как? Тебе не сказали? Даже не нужно куда выходить, есть кафе на первом этаже нашей клиники, готовят там отменно, особенно для врачей. Все как раз идут туда.

У дверей кафе толпились люди и около них внутрь проходили пациенты. Толпа состояла только из врачей и стояла далеко в стороне от общего потока желающих отведать завтрак. Из столпотворения выглянул Франсуа и крикнул:

– Бернад, Жак, давайте сюда, есть срочная новость. Итак, с сегодняшнего дня вы заметите, что столы в кафе переставлены. Теперь нет никакой отдельной зоны для врачей, нет ваших мест или мест больных, остаётся только свободное пространство. Больных уже рассаживают в случайном порядке, а ваша задача на сегодня сесть в таком же случайном порядке. Пока что для врачей выделены отдельные столы, но вскоре вы будете стараться интегрироваться в общество больных, чтобы каждый из вас сидел со своей командой подопечных. Ну что же, эксперимент продолжается, приятного аппетита!

– Вот так дела! – сказал Жак. А что делать? Надо слушаться. Надеюсь, что хотя бы еда останется такой же вкусной и нам не будут давать ту ужасную похлёбку, которой кормили пациентов.

– Бернад и Жак вместе набрали еды на подносы и заняли свободный стол в кафе. К ним тут же присоединился новичок Лоренс.

– Тут не занято? – спросил Лоренс.

– Что значит не занято... – возразил Жак.

– Конечно не занято, присаживайся – перебил его Бернад. Похоже, что каждый может садиться туда, куда ему только захочется. А ты тоже новенький? Я видел тебя вчера на распределении обязанностей после речи Франсуа. Как тебя зовут? Напомни!

– Я Лоренс, а ты вроде Бернад, да? Надеюсь, что нам в еду не попадёт никакое лекарство. Я долгое время работал к другой клинике, там больным давали еду с добавлением лекарств, чтобы они ничего не замечали за едой и одновременно поправлялись.

– Но лекарства же отменили, теперь есть только лишь франсуатон, который ничего из себя не представляют. – заметил Бернад. – Его химический состав ничем не отличается от мела, поэтому вряд ли они нам навредят, если вдруг случайно окажутся в нашей еде.

– Точно! – заметил Лоуренс и попробовал блюдо из овощей, которое лежало в его тарелке. – Вполне сносная еда! Вчера провёл первый день со своими больными, кстати говоря! Потрясающие люди, но постоянно говорят мне какие-то глупости про заговор и тому подобное, ничего не разберёшь. Я то и дело пытался подражать им, изображая каждого, но они не настолько сумасшедшие, как мне казалось, даже такой лёгкий подвох они раскусывают с лёгкостью. Знаете, мне кажется, что некоторые больные даже в чём-то умнее нас с вами, но они настолько сосредоточены на своём умственном превосходстве в своей сфере, что делают это в ущерб сферам другим. Это и приводит их к сумасшествию.

Жак на протяжении всего разговора не попробовал и ложки своего завтрака, а лишь тербил эту самую ложку всеми возможными способами. После того, как колебания достигли точки полного безумия, ложка выпала из рук и упала на пол с диким звоном, который растворился в шумной обстановке бурлящего, чавкающего и глотающего напитки кафе. Жак вскрикнул:

– Довольно! – затем на полтона ниже. – Хватит, работаете тут первый день, а уже говорите всякие глупости. Лучше дайте спокойно поесть!

Несмотря на замечание, Лоуренс продолжил.

– Ну извините, если я отвлекаю вас от завтрака своей болтовнёй. Но я должен сказать, что я сел сюда вовсе не случайно. Сегодня ко мне лично подошёл Франсуа и сказал, что мне надо прекратить всяческие занятия со своими больными. Видимо, что-то там не сложилось. Мне было поручено держаться Бернарда, так как он такой же новичок в этом заведении, как и я. Но не беспокойся! – Лоуренс замахал руками, сделал встревоженный взгляд и заодно дал Жаку свою запасную вилку, которую он взял ещё при раздаче еды. – Это всего на один день. Уже завтра мне обещали частично заменить моих больных или вовсе дать совсем иных. Итак, Бернад, чем ты занят сегодня?

– Честно говоря у меня нет чёткого плана действий. – Сказал Бернард одновременно пережёвывая салат. – Мне надо лишь вести записи за другими больными, врачами, да и вообще обо всём, что происходит в больнице, а затем относить эти записи своему ответственному. По итогам моих заметок и будет сделан переход у следующему этапу эксперимента. Хотя вряд ли только мои записи будут играть там такую важную роль, но всё же я надеюсь, что моя работа не уйдёт в стол. Сегодня, пожалуй, проведу день с Жаком, буду всё пометать.

Жак в очередной раз встрепенулся и выронил вилку, но теперь та уже улетела за пару метров от него, а первый кусок салата, который Жак так и не положил в рот, оказался на соседнем столе у больных, что в прочем не вызвало у них никаких эмоций.

– Да что с вами такое, Жак? – поинтересовался Бернард.

– Всё в порядке, просто встал не с той ноги, вот и дёргаюсь весь день, наверное стресс из-за всего этого эксперимента, будь он неладен! Хотите ходить за мной вдвоём? По пятам? Что же, ладно, я согласен, а куда деваться. Как раз увидите, как я изучил своих больных за ночь. Сегодня диалог точно задастся.

Товарищи закончили трапезу уже начали ускорять свои шаги в сторону комнаты с больными Жака, как всю делегацию тут же остановил мужчина лет 60-ти в сером и отлично сидящем пиджаке в полоску, на его голове уже почти не осталось волос, а те редкие, что были по краям, лишь делали его образ слегка юмористическим, хотя вовсе не соответствовали поведению. Своим холодным взглядом он прожигал любого, кто сомневался в его правоте. Выправив осанку, он произнёс:

– Господа, моё имя Дидье, доктор Дидье. Кто из вас Жак?

Жак сделал шаг вперёд, безмолвно ответив на вопрос.

– Отлично. – продолжил Дидье. Я слышал, у тебя какие-то небольшие проблемы с больными. Дело в том, что я лечил этих самых пациентов до начала всего происходящего. На первых порах я буду помогать вам в лечении и поработаю над актёрской составляющей вашего внедрения в стан пациентов, чтобы они приняли вас за своего. Ну что же, пойдёмте.

Делегация снова двинулась вперёд, что не могло привлечь внимание доктора Дидье. Он не раз оглянулся назад, после чего заявил:

– А эти господа почему идут с вами? У вас нет своих дел?

– На сегодня они наши спутники. – заметил Жак. Без них никуда, всё в рамках эксперимента.

– Что же, тогда представь мне наших спутников! – попросил доктор Дидье.

– Это Бернард, он новичок. Он будет следовать за нами и записывать всё происходящее в свой журнал. От него зависит, будет ли назначен переход к следующему этапу эксперимента или нет. Рядом с ним Лоуренс, тоже новичок, его пристроили к нам всего на день, пока ему не найдут новых пациентов.

Делегация подошла узкому проходу и произошла некоторая заминка, которая бывает как раз тогда, когда компания не определилась с тем, у кого в ней лидирующее положение. Все вдруг решили пройти через проход одновременно, что привело к защемлению руки у Бернарда, небольшим поворотом ноги у Жака и ударом головы о дверной косяк у доктора Дидье!

– С ума сойти! Не в этом заведении будет сказано. – заявил доктор Дидье. – Дайте уже мне пройти!

Как только все подошли к двери палаты доктор Дидье развернулся и обратился к присутствующим:

– Должен предупредить вас о том, что вчера у меня состоялся разговор в кабинете главврача. Ввиду чрезвычайности нашего положения, Франсуа разрешил мне использовать мой любимый приём – управляемый эксперимент! Это значит, что в кризисных ситуациях мы сможем действовать не по сценарию. Иногда даже и вовсе выйдем за рамки эксперимента, но затем

снова к нему вернёмся. Так мы сохраним порядок. Всем управлять буду я, вы подхватите, если это понадобится.

Двери палаты распахиваются и все заходят внутрь. Больные спят по своим койкам под одним одеялом, два остальных покрывала вместе, но в то же время одиноко лежат в углу комнаты. Спокойствие напоминает затишье перед бурей. Лоуренс делает неосторожный шаг и роняет на пол горн, который по необъяснимой случайности оказался у больных. От шума падающего на пол металла больные просыпаются и вскакивают со своих коек, становясь в ряд. Жак и доктор Дидье тут же начинают имитировать поведение пациентов – встают в их ряд и выпрямляются. Жак глазами приказывает Бернарду и Лоуренсу сделать тоже самое, они делают. Всё напоминает сцену с торжественного парада, но торжество заканчивается буквально через две минуты, когда больные и врачи начинают в хаосе бегать по палате.

– Бернард заметил, что Жак и доктор Дидье начали так вживаться в свои роли, что их уже не отличить от обычных больных. Дидье подходит к одному из больных и даёт таблетку, приговаривая:

– Смотри, новое лекарство. Называется франсуатон. Чем больше ты будешь его употреблять, тем быстрее выйдешь на свободу и увидишь солнце.

– Солнце! Свобода! – заголосили больные.

Пациент взял франсуатон и разделил его на три равные части, которые раздал другим больным. Доктор Дидье выбил франсуатон из рук больных, не давая им проглотить лекарство.

– Нет, поверьте, нельзя делиться. Каждому по франсуатону в зависимости от того, как он работает, как ведёт себя. Вот вы, мужчина! Вы вели себя лучше всех, поэтому франсуатон оказался у вас. Вот вы, женщина. Вы совсем неуправляемы, поэтому так и останетесь здесь, потому что не будете принимать франсуатон, который вас лечит. Мы так же больны, как и вы. Не врачи мы никакие, но франсуатона у нас больше, смотрите, завались! – доктор Дидье съел целую таблетку на глазах у больных. – теперь я ещё ближе к норме. – Бери снова франсуатон!

Пациент разделил франсуатон на 4 части, дав одну доктору Дидье.

– На этот раз уже лучше. – сказал доктор и попросил врачей выйти из палаты, затем он плотно запер дверь с обратной стороны и обратился ко всем. – Значит так, первый этап нашего лечения начался. Как же я ненавижу этих больных, всегда с ними одни проблемы, дали бы шизофреников, бед бы не знали, а тут эти! Жак, посети эту палату через полчаса, но уже один. Давай им франсуатон до того момента, пока они не перестанут им делиться, в противном случае выбивай его из рук и клади в карман куски таблеток, чтобы они их не собирали. Занятие рутинное, поэтому твоим друзьям можно пока заняться чем-нибудь другим.

Доктор Дидье достал часы из кармана, взглянул на циферблат и оправился по своим делам, не выходя из образа сумасшедшего. Товарищи пошли в комнату отдыха и заняли в ней освободившийся диван.

– У меня осталось два десятка минут, чтобы собраться с мыслями. Что скажете, господа? – спросил Жак.

– Мне кажется дело совсем не в эксперименте! – заметил Лоуренс. – я могу вам доверять? Бернард? Жак?

Оба одобрительно кивнули головой. Лоуренс продолжил:

– Я вчера весь день наблюдал за больными и врачами и вот что заметил...

– Так и что же? – спросил его Жак, заинтересованно хлопнув в ладоши, целых два раза.

– Так вот...

– Лоуренс не смог далее продолжать, потому что два врача в комнате отдыха ни с того ни с сего начали драку, которая сопровождалась диким ором с не менее дикими аргументами: «Ты виноват! Нет ты сам!». Затем в комнату зашли врачи и устремились разнимать дравшихся. Когда всё успокоилось, один из разнимавших подошёл к Бернарду и произнёс:

– Вот ты где? Ты же Бернард? Тебя искал Франсуа, подойди к нему один прямо сейчас.

Лоуренс продолжил рассказывать свою историю Жаку, но Бернарда настолько быстро уводили, что он успел расслышать лишь: «Так вот, на чём я закончил...».

Бернард снова оказался у кабинета главврача, который уже ждал его у самого входа.

– Наконец-то ты пришёл! – сказал Франсуа. – Ты принёс журнал? Давай разберём твои записи у меня в кабинете прямо сейчас. У меня выдалась свободная минута.

Бернард провёл в кабинете Франсуа 5 часов, досконально рассказывая о каждом случае и давая всему свою психотерапевтическую оценку. На часах было всего 15:00, но главврач произнёс:

– Сегодня ты должен перепечатать свой журнал в компьютер. Такие записи не годятся! Займись этим прямо сейчас у себя в комнате, убедись, что тебе никто не мешает, заперев дверь. Управиться ты должен до ночи, а затем вышли мне файл на эту электронную почту.

Франсуа написал на одном из документов на его столе адрес электронной почты для Бернарда, оторвал клочок бумаги и протянул вперёд одной рукой, второй он указал на дверь. Этого было достаточно, чтобы распрощаться.

Бернард закончил работу к одиннадцати. Сделал анализ каждому событию, успел в одиночестве поужинать в кафе, чтобы не спутать свои мысли, и немного прибраться в комнате, что сделало её только неуютнее. Беспорядок добавлял этому помещению немного шарма. Бернард вспомнил, что по дороге из кафе есть автомат с газированными напитками, которых не подают за обедом. Он стоял в служебном помещении. Желание попробовать вредный напиток из студенческой юности одолело лень, которая наступила после работы над анализом журнала.

В клинике было непривычно тихо. У автомата уже стоял Лоуренс.

– Здравствуй, Бернард! Где ты был? Пропал на весь день?

– Франсуа заставил меня делать этот

– Бессмысленный анализ!

– Стой, не говори! Теперь я точно...

В этот момент свет вокруг потух, наступила ужасающая тишина, кто-то пробежал по коридору, Жак отошёл в сторону и сквозь темноту послышался его голос:

– Попробую найти выход, дверь была где-то здесь, ну и темнота!

Лоуренс открыл дверь и позвал Бернарда за собой, уйдя в синий от ночи свет.

Бернард ударил по автомату, чтобы достать застрявшую в ней банку доктора Пеппера, а затем услышал глухой удар и звук, похожий на падение мешка картошки с лестницы. Свет снова включился. Вместе с ним был слышен крик и множество бегущих людей. Бернард выбежал на крик к выходу из служебного помещения и заметил Лоуренса, лежащего в луже крови на полу. Рядом с ним была ржавая труба, которой, по видимому его ударили по голове.

– Это вы кричали? Обратился один из сбежавшихся врачей к уборщице.

– Да, заметила, что человек лежит на полу, а затем кровь, я испугалась!

Кровь действительно была повсюду и её было предостаточно. Но её вид не наводил столько ужаса, сколько было в самой атмосфере происшедшего. Лица сбежавшихся на шум врачей и сумасшедших передавали такой inferнальный страх, что в тему стала бы игра на расстроенном органе. Лунный свет, прорывающийся через тонкие закрытые шторы, явно выигрывал перед тускнеющей лампой, которая то и дело мигала, давая понять, что её давно пора было поменять. Редкие переговоры плавно превратились во всеобщий шёпот, напоминающий шорох камыша во время засушливого лета.

На змеиное шипение обсуждения прибывало всё больше зевак, которые прерывали свой сон и приготовление ко сну доносившимися до них слухами об убийстве. Толпа должна была пестреть от перемешавшихся в ней больных и врачей, однако этого не случилось. Напротив, всеми овладело как раз то единство, о котором говорил Франсуа на встрече по случаю начала эксперимента. Выигрышным оказался и тот момент, что врачи, ввиду позднего часа, снимали свои халаты и отправили их на отдых в платяные шкафы. Ко всему прочему большин-

ство врачей в той или иной степени уже вжились в роли своих подопечных и не желали выходить из неё, даже учитывая такую ситуацию. Эта толпа могла разрастаться бесконечно, бесконечно же увеличивая децибелы шума от шёпота и редких сумасшедших выкриков.

Громче всех кричал Доминик, который всеми силами пытался отрицать свою вину, хотя и пришёл один из последних. Доктора и больные настроились на единый тон и в унисон выкрикивали фразы, которые могли быть свойственны лишь сумасшедшим. Поэтому из общей массы выделялись только Бернард, в ужасе смотревший на бездыханное тело, и уборщица, у которой не было указания имитировать чьё-либо поведение.

Все единодушно понимали, что возникает необходимость сорвать маски и выяснить причину случившегося, но никто не желал этого делать. Это был первый раз, когда всем удалось стать наравне с больными, причём не сговариваясь. Триумф безумия достигал своего апогея и ни один из присутствующих не желал прерывать столь спонтанный спектакль. Разве что Бернард, преодолев ужас, оторвал свои глаза с мёртвой точки и начал тревожно искать хоть кого-то, кто мог бы стать первым подозреваемым в преступлении.

– Что насчёт камер? – кто-то выкрикнул из толпы. Очевидно, что это был врач, который на секунду постарался выйти из своей роли, но поймал удивлённый взгляд собственного пациента и тут же вернулся в привычный образ сумасшедшего.

Из толпы показался Доминик, вокруг которого в этот момент тут же расступились люди, для которых он представлял авторитет. Доминик был уже знакомым Бернарду сумасшедшим, он имел некий авторитет среди своих приближённых. Больной с явно выраженным биполярным расстройством. Каждое его слово представляло собой скопление несвязных звуков, если слушать его по отдельности. Однако предложения получались более менее складными, хотя требовалось неслабо хмурить лоб, чтобы понять его речь.

Доминик вздёрнул руку вверх, все вокруг замолчали. Он произнёс:

– Об этом надо узнать все! Вся больницы должна знать!

Каждое слово давалось ему с трудом, будто он тащит свою речь, как тяжелейший камень на высокую гору. Что говорить о правилах речи? О них Доминик позабыл уже давно. «Ну и сложно же приходится его лечащему врачу» – подумал Бернард.

– Все! Все должны знать! – продолжал кричать Доминик, которого уже уносили с места происшествия, взяв под руки.

По коридору послышались звук мужского каблука, бьющегося о деревянный пол и задававший тревожный ритм. По шагам можно было определить, что идут как минимум трое. Так и оказалось. Вдоль стены шли трое полицейских, которые до того синхронно нахмурили свои лица, что могло показаться, будто они репетировали эти эмоции перед выходом.

Подойдя к толпе один из них спросил:

– Что тут происходит? Кого убили?

– Вот этого врача! – ответил Бернард, указав банковской газировки в руке на тело, лежащее на полу!

Полицейский почти вплотную приблизился к Бернарду. На лице правоохранителя с такого расстояния особенно чётко можно было разглядеть тот отпечаток, который оставили годы подобной работы, выездов среди ночи и тысячи преступлений. Под его носом расположились предельно-чёрные усы, выстриженные так аккуратно и ровно, будто того требовал не устав, а сама жизнь. Полицейский сделал шаг назад, отодвинув ногу, обутую в вымазанный несколькими слоями воска сапог. Затем он начал опрашивать Бернарда, как первого, пошедшего с ним на контакт:

– Расскажите, как это произошло? Вы были здесь во время убийства?

– Нет, я мало что видел. Считаю своим долгом доложить, что не слышал ничего подозрительного, хотя стоял в нескольких метрах от убитого в соседней комнате.

После того, как Бернард детально рассказал об инциденте, полицейский бегло оглядел коридор и заметил камеру, висящую в углу. Он приказал своим коллегам оставаться на месте и никого не пускать, а Бернарда он попросил отправиться вместе с ним в поисках будки с экранами видеокamer, так как никто из присутствующих не знал о её существовании и месторасположении.

Как только пара ринулась в сторону, в другом конце коридора показался спешащий Франсуа. Его размякшие щёки с красной полосой от ткани выдавали недавний глубокий сон, а ночной колпак и небрежно накинутые вещи вкупе с брюками без ремня и вовсе расставляли всё на свои места.

– Что здесь происходит? – встревоженно, но в то же время зевая, спросил Франсуа.

– Чистой воды убийство! Там, прямо в коридоре, посреди ночи. – ответил полицейский.

Главврач расслабился и махнул рукой. Изобразив сожаление и проигрыш в решающей игре он произнёс:

– Конечно. Рано или поздно это должно было случиться. Эти психи обязательно должны были кого-нибудь убить. К этому всё шло уже много лет, надо было ужесточить правила. О чём я говорил! И кто же жертва.

– Жертва – новый врач Лоренс. Вы, возможно, даже и не помните его. Он прибыл к нам из какой-то другой больницы.

Из толпы показалось спокойное и умиротворённое лицо одного из больных, который смиренно окидывал взглядом происходящее. Его пижама лежала на нём плотным и увесистым шкафом, будто это был полноценный футляр, не дававший делать резких движений. Весь его образ обходился без лишних складок и небрежностей, что только подчёркивало его гладко выбритое и серьёзное лицо. Это был Винсент, он страдал одной из форм крайнего психиатрического расстройства, которое олицетворялось в качестве бесконечного спокойствия больного и его нездоровой страсти к крайней форме порядка во всём. Даже стоял он ровно посередине толпы, чтобы симметрия была учтена в наиболее возможной форме. Энтропия в его сознании стремилась к нулю, а когда что-либо этому препятствовало, он восклицал:

– Не стоит беспокоиться! Я уверен, что всё можно держать под контролем. Неужели какое-то там обычное убийство может стать причиной столь серьёзного разговора, да ещё и с полицейскими.

Винсент, обозначив себя, сделал шаг вперёд, не сдвинувшись в сторону, чтобы не нарушать законы симметрии в помещении. Его жутко злило, что полицейские стояли с краю от Франсуа, что делало зрительную композицию неполноценной. Он боролся с этим обстоятельством проверенным способом, который ему посоветовал его прошлый лечащий врач. Винсент покачивался из стороны в сторону, чтобы отвлечься от несовершенств мира. Психологически это воздействовало на него обманчиво. Он даже убеждал себя в том, что делает всё возможное, чтобы создать колебания, способные привести происходящие к идеальному порядку. Винсент спросил:

– Куда вы движетесь так быстро?

Полицейские окинули сумасшедшего взглядом, а один из них произнёс?

– А какое вам-то дело? Вы больной, ваше предназначение лечиться!

– Иногда нам свойственно выходить за пределы своих ролей, чтобы не сойти с ума! – Произнёс Винсент.

– Весьма странно слышать такие замечания от больного! Видимо вы слишком долго играли одну и ту же роль. Задумайтесь над этим, Винсент. – Сказал Франсуа, показательно пытаясь продемонстрировать полицейским свой профессионализм. – Мы движемся к камерам, чтобы просмотреть на них записи с предполагаемым убийцей. Надеюсь, мы раскроем это преступление за одну ночь! Не смотрите, на меня так, Винсент. Лучше отправляйтесь в свою палату, желательно бегом!

Винсент, не сказав ни слова, развернулся и отправился к своей палате, взяв перед этим низкий старт, как будто это был настоящий олимпийский забег, от которого зависела вся его спортивная карьера.

Франсуа, Бернард и полицейские дошли до комнаты охраны, в которой, по словам главврача, располагались все камеры больницы. Камер было действительно много, не одна сотня. Такое количество камер незамедлительно вызвало недоумение Бернарда и вопрос одного из полицейских:

– Для чего вам так много?

– Дело в том, что наша клиника участвует в одном психиатрическом эксперименте. Он требует наиболее тщательной слежки за всеми больными. Каждая камера имеет свой собственный экран в этой комнате. Помимо всего прочего есть главный компьютер, который объединяет записи всех камер, вы видите его посередине.

В это время Бернард оглядывал помещение. Это был гигантский зал, располагавшийся в подвале. Больше всего он напоминал большой винный погреб какой-нибудь знаменитой шотландской вискикурни. Бордовые кирпичные стены одним своим видом делали это прохладное помещение теплее, а закруглённые потолки, напоминающие арки, уходящие вдаль, создавали уют. Неудивительно, что посреди всего этого спал охранник, положив свои ноги прямо на стол. Он почивал на одном из десяти пустых стульев, которые были оборудованы так же, как и его рабочее место. За исключением стола с главным компьютером, о котором говорил Франсуа. Он тоже пустовал.

– Сегодня идут только первые дни эксперимента, поэтому мы ещё не успели разобраться со штатом охранников, которые должны быть в этой комнате. Их должно набраться около десяти человек, а что касается этого заснувшего гражданина, так мы его сейчас разбудим. – сказал главврач.

Под конец своей речи Франсуа перешёл с шёпота на вполне громкий, и местами звонкий голос, апофеозом которого стал вполне неожиданный жест. Увидев лежащие на столе ключи, он смахнул их рукой вниз. Упавшая на пол связка подействовала на охранника, как будильник, звук которого прокатился эхом по всему помещению, преодолевая арку за аркой.

Франсуа подошёл к охраннику и спросил:

– Почему вы спите на рабочем месте?

– Виноват! – ответил дрожащей от страха челюстью охранник. Он тут же вскочил и принял позу гусара перед императором. – Обещаю, что больше такого не повторится!

– Да будет вам известно, что во время вашей смены в клинике произошло убийство, которое вы проморгали! – По-командирский сказал Франсуа.

Охранник округлил глаза, двинулся назад и, нащупав ногами свой стул, грохнулся на него. Дальше он уже разговаривал сквозь руки, которые плотно и сожалением прислонил к своему виноватому лицу.

– Что же теперь делать! Чем я могу помочь? – начал охранник.

Полицейский взял инициативу на себя. Подойдя вплотную к главному компьютеру, он попытался самостоятельно что-то в нём найти. После неудачных попыток, он обратился к охраннику:

– Было бы хорошо, если вы бы помогли нам найти записи с одной камеры!

– Что за записи? Какая камера? Сейчас всё найдём! – сбивчиво и торопясь произносил охранник.

– Она возле служебного помещения, в котором автомат с газировкой. Коридор М-43. – уточнил главврач. – Главное, чтобы там можно было разобрать лицо убийцы.

Охранник начал беспорядочно стучать по клавишам, постоянно стирая неверно введённые им самим данные. После нескольких тщетных попыток ему удалось найти нужную камеру.

– Вот она... но запись стёрта! Вся запись за последние три дня! – испуганно сказал охранник.

– Что! Посмотри другие камеры! Они работают нормально? – приказал Франсуа.

Записи на других камерах были в порядке, даже была та, где все присутствовавшие входили а помещение.

– Но есть одна дальняя камера! – заметил охранник и незамедлительно включил её.

Камера действительно располагалась далеко и на ней можно было видеть только силуэт Лоренса, который завернул за угол, а затем упал на пол, что стало понятно по появившимся в кадре ногам, которые предстали перед зрителями в горизонтальном положении. Убийцы не было видно, поэтому только это оставалось главной уликой в деле.

Полицейским ничего не оставалось, как попросить у охранника и главврача запись, на которой не было видно преступника. Охранник с грохотом и скрипом открыл тяжёлый металлический ящик стола, порывлся в бумагах и нашёл флешку, которая лежала где-то на дне. Он подошёл к главному компьютеру и вставил в него флешку, затем нашёл нужный файл и скинул его полицейским. Один из них положил флэш-карту в специальный герметичный мешок, который предназначался для более объёмных вещественных доказательств. Но все ужасно хотели спать, это было видно по лицам. Ещё больше обстановку нагнетал свет в помещении, который тяжёлым грузом ложился на всех присутствующих и тянул их к земле, к кровати. Не сказав друг другу ни слова, все разошлись в разные места. Охранник снова сел за своё место и закинул ноги на стол, насильно прерывая свой сон, дожидаясь ухода толпы, а толпа двинулась к выходу.

– Давайте я покажу вам, как выйти! – сказал полицейским Франсуа.

– Да, пожалуй это будет не лишним. – сказал один из них.

В это время самый молодой и коренастый полицейский в наиболее безразмерной форме посмотрел на врачей и спросил:

– Вы не расскажете мне о сути вашего эксперимента? В двух словах, если вас не затруднит.

Бернард сделал шаг вперёд и глубоко вздохнул, готовясь к длительному монологу, к которому он был готов как никогда. Но Франсуа свёл все приготовления к спонтанной лекции к нулю, сказав:

– Давайте я вам расскажу об этом позднее, лучше завтра, а пока мы все разойдёмся по своим местам.

– Но юноша хотел что-то сказать! – заметил полицейский, указав рукой в сторону Бернарда, который уже не находил себе места.

– Юноша хотел сказать ровно то же, что и я! – громко возразил главврач.

Полицейский расправил свои плечи и отложил папку с документацией на стол, стоящий рядом. Этим жестом он дал понять всем присутствующим, что небольшой допрос следует начать прямо здесь и сейчас. Бернард снова вздохнул и начал:

– Я с удовольствием расскажу вам о сути эксперимента. постараюсь закончить как можно быстрее ввиду позднего времени на циферблате часов. Но предупрежу, что всё вышесказанное будет являться лишь моим собственным видением ситуации. Если что, Франсуа меня поправит!

Давайте представим, что вы больной! Вы создали себе свой собственный внутренний мир, не выходите за его рамки, а всё происходящее вокруг и ваше поведение считается для вас нормальным. Потому что вы сами убедили себя в этом... что-то действительно сильно подействовало на ваше психоэмоциональное состояние, что преломило ваши представления о нормальном мире. Что-то заставило вас стать немного другим. Так вот, вы изменили мир вокруг себя с помощью собственного мышления.

– Мысль первична по отношению к материи, хочет сказать мой коллега! – прервал монолог Франсуа.

– Совершенно верно! – продолжил Бернард. – Так вот, вы повторяете одно и то же, несколько раз и в ваш мозг создаёт устоявшиеся нейронные связи, которые становятся фундаментом ваших представлений об окружающем мире. Вы начинаете реагировать на других людей согласно созданному вами психологическому фундаменту. Это в конце концов формирует вашу личность, вы становитесь сумасшедшим, не замечая этого. Вы попадаете в психиатрическую больницу и вам дают таблетки, которые подтверждают ваше сумасшествие для вас же самих. Другими словами, вас постоянно убеждают в том, что вы сошли с ума. Убеждает обстановка, убеждают врачи, помимо того, что вы сами себя в этом убеждаете. Это – привычный нам принцип лечения психиатрически-больных людей, только с другой стороны.

А теперь представьте, что вы снова испытываете тот же шок, который вас когда-то привёл к этому состоянию. Стал детонатором вашего безумия. Вы уверены, что безумны, но вокруг вас об этом никто не говорит! Более того, все действуют не менее странно, даже ваш лечащий врач ведёт себя так же, как и вы. Но вы думаете: «Ведь он же врач, он должен быть мне примером! Почему он такой же, как я? Может быть, на самом деле я нормальный?». И всё, что вам остаётся для лечения – это новые таблетки. Франсуатон! Чем больше вы выпьете франсуатона, тем быстрее вы выберетесь из клиники. Вам просто надо делать вид, что вы нормальный, даже здоровее своего лечащего врача, вы пьёте франсуатон, который получаете за хорошее поведение и работу. Кстати ваша работа определена мерой вашей ответственности. Например, кто-то сообщает вам, что вы ответственны за тишину в клинике. Тем самым происходит ваша социализация. Выши нейронные связи снова начинают меняться, но главное лекарство на этот раз – вы сами!

– А что такое франсуатон? – спросил полицейский. Рукава его рубашки были закатаны по локоть, а на коже рук были заметны мурашки, от речи Бернарда. Он был впечатлён, а Бернард не останавливался.

– Франсуатон, это обычный безвредный мел. Плацебо, каждый из нас может пить его пачками, и это никак не повлияет на наше психиатрическое состояние, только придётся лишний раз заглянуть в уборную. Но больных мы убеждаем в том, что франсуатон настоящая ценность, универсальное лекарство, которое способно вернуть их к нормальному состоянию. Всё зависит от количества и всё! А что касается врачей, так им приходится играть роль больных. В этой ситуации они лишь модераторы.

Полицейские уже сидели на столе, на котором лежали оставленные одним из них документы. Главный служитель порядка подпирал голову кулаком, как заинтересованный студент на занимательной лекции. Даже главврач сел на пол, расположившись поудобнее.

– Так вот почему вы показались нам такими странными! – сказал полицейский. – Поначалу вас действительно было очень сложно отличить от больных. Особенно Франсуа! Видимо главному врачу по долгу службы такая роль должна быть по плечу. А как долго длится эксперимент?

– Мы только его запустили, вы наблюдаете первые дни! – ответил Франсуа.

– Первые дни? – удивился полицейский, а с его головы чуть не слетела его кепка с государственным гербом. – Это удивительно, вы далеко пойдёте, если уже так хорошо вжились в роли сумасшедших! Даже ваша речь, Франсуа. Ну разве может главврач говорить таким тембром? Bravo!

Другой полицейский встал с тумбы, расправился, немного потянулся и вышел на луч лунного света. Доски пола под ним скрипели не меньше, чем он сам. Он предложил всем отправиться по домам и койкам. Такое предложение с радушием встретили все присутствовавшие. Перед тем, как за ним закрылся дверь клиники, он повернулся и громко прокричал:

– Бернад, не забывайте, что вам не рекомендуется выходить за пределы клиники. Ведь вы пока что самый главный свидетель по делу об убийстве.

Бернарда так шокировала эта новость, что он даже не смог толком ничего ответить, а пока собирался с силами, дверь уже захлопнулась.

В этот момент Франсуа развернулся к Бернарду, чтобы сказать, что час уже совсем поздний и пора спать, так как завтра всех ждёт невероятно сложный день. Не задерживаясь ни на секунду Франсуа отправился по направлению к своей комнате, в которой ему сегодня посчастливилось переночевать. Франсуа не каждый день проводил там, да и тем более не каждую ночь. Но в особо загруженные и тяжёлые рабочие дни он не позволял себе уходить домой. Это в определённой степени вызывало уважение со стороны подчинённых, которые видели, как их начальник предан работе. Однако никто никогда не был в покоях Франсуа. Все прекрасно знали, как устроен его кабинет, замечали интересные вещи на полках и удивлялись излишнему аскетизму этого места. Что касается личной комнаты Франсуа, то вряд ли там кто-то бывал, хотя ходили слухи, что от аскетизма там совсем далеко. Стоило только приоткрыть дверь в его покои, как глаза неподготовленного человека могли изрядно пострадать от слепящей роскоши, которая проникала через дверной проём. Но это всё слухи через замочную скважину, не более.

Бернард же наклонился, чтобы смахнуть пыль с ботинок, а краем глаза заметил как свет в комнате поменялся, будто за считанные секунды прошло солнечное затмение. Однако это была глухая ночь, значит и тень появилась неспроста. «Просто я страшно хочу спать» – подумал Бернард и списал всё на своё морально-истощённое состояние. Он тихо поднимался по лестнице и двинулся по коридору, так же тихо, чтобы ненароком никого не разбудить. Особенно осторожно он шёл мимо палат пациентов, потому что не все из них были образцовыми тихонями, пробуждение некоторых больных могло бы стать причиной их беспричинного крика, который бы разбудил всю клинику. Поэтому Бернард даже задерживал дыхание, чтобы свести свой уровень шума к абсолютному нулю.

До комнаты оставался всего один этаж, покой пациентов был всё ещё не нарушен. Даже шелест листьев за окном от прохладного ночного ветра разносился по коридорам большим эхом, чем скрип полов от острожных шагов Бернарда.

Но шелест перебил звук стука сердца, которое у Бернарда заколотилось в бешеном темпе, когда тот понял, что ходит по коридору не один. Там, за углом определённо кто-то был, Бернард вычислил его ещё полминуты назад, но не позволял себе напугать преследователя резким движением или своим голосом. Поняв, что кто-то приблизился совсем близко, Бернард бросился ему навстречу, однако очень удивился, когда шаги незнакомца с тем же стремлением стали приближаться к нему самому. «А что, если это и есть убийца? Может, он хочет убить меня, как единственного свидетеля?» – Эта мысль настолько сильно шокировала Бернарда, что его тело в мгновение покрылось мурашками и холодным потом, показалось, что температура в помещении резко упала на несколько градусов, а тело не давало делать никаких движений. Это был всеобъемлющий страх, абсолютный, не дающий поводов для покоя. Бернард бросился прочь от звука шагов, он бежал настолько быстро, что создавал шум, способный поднять на уши всю больницу, и его предыдущие старания по поддержанию образцовой тишины пошли насмарку. Но на кону была жизнь, поэтому он бежал так самоотверженно, как это делают бегуны на короткие дистанции на соревнованиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.